

I.  
ГЕНЕРАЛЪ И АДМИРАЛЪ  
ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ.  
ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

(Окончаніе.)

XVI (\*).

Прибытіе Петра въ Англію.—Пріѣздъ женевоныхъ Лесортовъ въ Амстердамъ.—Отъѣздъ ихъ о Петрѣ.—Отбытіе посольства въ Вѣну. — Политическіе переговоры, веденные здѣсь Лесортомъ.—Замѣчательный разговоръ Петра съ имперскимъ канцлеромъ.—Внезапный отъѣздъ царя въ Москву.

Утромъ, 9-го января 1698 года, Петръ вышелъ въ море, на подаренной ему англійскимъ королемъ яхтѣ, въ сопровожденіи другихъ англійскихъ судовъ, и совершилъ плаваніе черезъ проливъ такъ благополучно, что уже на слѣдующій день вступилъ въ Темзу, а 11-го числа бросилъ якорь у мѣстечка св. Екатерины. Отсюда царь тотчасъ же отправился въ Лондонъ и вышелъ на правомъ берегу рѣки, у Юркъ-Бойльдингса, гдѣ, для пріема его, были приготовлены три дома. Квартира здѣсь была выбрана для того, чтобы дать высокому гостю случай видѣть постоянно двигавшіяся мимо суда. Въ тотъ же день король Вильгельмъ прислалъ поздравить Петра съ пріѣздомъ и выразилъ желаніе видѣться съ нимъ поскорѣе. На все время пребыванія царя въ Англіи, назначенъ былъ состоять при немъ вице-адмиралъ Мичель. Но выбранное жилище не понравилось Петру. Желая

(\* ) См. „Военный Сборникъ“ 1870 г. №№ 7, 8, 9, 10, 11, и 12 и 1871 г. №№ 1 и 2.

A PERL APR 23 1894

и въ Англии безпрепятственно заниматься кораблестроеніемъ и изученіемъ морскаго дѣла, онъ переселился въ Дептфордъ, гдѣ, близъ верфи, нанялъ себѣ и спутникамъ своимъ квартиру въ домѣ Эвейлеса.

По мѣрѣ того, какъ великое царское посольство приближалось къ западнымъ странамъ, братья и родные Лефорта пожелали видѣться съ другомъ и любимцемъ сѣвернаго монарха послѣ столь долговременной разлуки. Желаніе это было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ убѣдительнѣе Францъ Яковлевичъ приглашалъ ихъ къ себѣ въ Амстердамъ, и чѣмъ возбужденнѣе было ихъ любопытство лицезрѣть вѣчнаго путешественника, который повсюду въ Европѣ заставлялъ говорить о себѣ. Братъ Яковъ, съ однимъ изъ своихъ племянниковъ, рѣшился ѣхать, чрезъ Лионъ и Парижъ, въ Амстердамъ, и въ половинѣ января, когда царь уже находился въ Англии, прибылъ въ Гарлемъ. Сюда Францъ Лефортъ прислалъ за ними двѣ богатыя, запряженныя цугомъ, кареты, которыя, 22-го января, доставили ихъ въ домъ первенствующаго посланника. Онъ встрѣтилъ своихъ родныхъ на крыльцѣ. «Не говорю о моей радости», писалъ Яковъ Лефортъ старшему брату, «но знаю, что при этомъ пролиты были слезы». Описывая затѣмъ ужинъ, онъ съ удивленіемъ говоритъ о роскошной обстановкѣ: «На двухъ буфетахъ стояла серебряная посуда, цѣнностію, по крайней мѣрѣ, въ 60,000 ливровъ. Во время ужина играла музыка, а когда были питы тосты, играли трубачи въ ливреѣ». Спустя нѣсколько дней, по поводу обыкновеннаго обѣда, Яковъ Лефортъ писалъ: «Все подается на серебрѣ. Постоянно готовы пятнадцать кувертовъ, а обѣдаютъ у генерала ежедневно отъ девяти до двѣнадцати человекъ. У него три французскіе повара».

На другой день пріѣзда, женеvскіе граждане представлялись двумъ другимъ посланникамъ, которые приняли ихъ съ большимъ почетомъ. «Первый» (Головинъ), извѣщалъ Яковъ Лефортъ, «плотный мужчина (un gros corps) и довольно вѣжливъ; второй (Возницынъ), высокаго роста, показался мнѣ нѣсколько дикимъ (sauvage). Говоря по правдѣ, ихъ считаютъ здѣсь какъ бы подчиненными моего брата. Теперь они живутъ въ Амстердамѣ отдѣльно, каждый со своею свитою, но прежде содержаніе всего посольства было общее, и они разъединились потому, что только на прокормленіе трехъ посланниковъ (rien que pour le manger des trois ambassadeurs) расходовалось до двухъ сотъ талеровъ ежедневно». Изъ дальнѣйшихъ словъ письма видно, что наши посланники и въ Гаагѣ, гдѣ собрались уполномоченныя главныхъ европейскихъ державъ, затѣвали ихъ всѣхъ вели-

колѣнѣмъ, и что они имѣли значительныя суммы въ амстердамскомъ банкѣ. Этимъ опровергается пущенный французами слухъ, будто русское посольство нуждалось въ деньгахъ и просило въ займы у генеральныхъ штатовъ на покрытие своихъ большихъ расходовъ.

Францъ Лефортъ, между тѣмъ, тревожился неизвѣстностію о Петрѣ, уже три недѣли жившемъ въ Англіи. Причина была та, что постоянныя противныя вѣтры и штормы, при сильномъ холодѣ, прервали всякое сношеніе съ твердою землею, и только 27-го января могъ онъ отвѣчать на собственноручное письмо царя. Вообще, во время пребыванія Петра въ Лондонѣ, сношенія были, по той же причинѣ, затруднительны и неправильны, что постоянно беспокоило Лефорта, незнавшаго даже ничего опредѣлительнаго, когда царь возвратится и когда посольство предприметъ дальнѣйшій путь въ Вѣну. Въ случаѣ продолжительнаго пребыванія его въ Англіи, Францъ Яковлевичъ надѣялся съѣздить въ Женеву повидаться съ матерью и съ сыномъ.

Въ то же время, братъ его Яковъ съ племянникомъ, и еще другой племянникъ, Луи (старшій сынъ Ами), только что пріѣхавшій изъ Женевы, опасаясь не видѣть Петра, положили отправиться, съ этою цѣлію, въ Англію, въ сопровожденіи секретаря посольства (т. е. Петра Лефорта). 22-го марта они прибыли въ Лондонъ съ рекомендательнымъ письмомъ генерала къ царю. «Мой братъ и три племянника поѣхали отсюда въ Англію поклониться твоей милости; прими ихъ, прошу, милостиво, если можно». Такъ обращался Францъ Яковлевичъ къ своему царственному другу. Онъ не ошибся въ его милостивомъ приѣмѣ. Государь, завидѣвъ Якова Лефорта издали, вышелъ къ нему навстрѣчу, обнялъ его и нѣсколько разъ поцѣловалъ. На другой день представлялись молодые Лефорты, въ то время, когда его величество сидѣлъ за обѣдомъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими приглашенными англичанами. Царь тотчасъ же всталъ изъ-за стола, привѣтствовалъ ихъ, допустилъ къ рулѣ и приказалъ подать для нихъ новыя куверты; потомъ, со всѣмъ обществомъ, прогуливался, на своей яхтѣ, по Темзѣ, и велѣлъ палить изъ пушекъ.

О наружности Петра Яковъ Лефортъ писалъ: «Вы знаете, что государь весьма высокаго роста; но встрѣчается, при этомъ, непріятное обстоятельство: съ нимъ дѣлаются судороги (convulsions) то въ глазахъ, то въ рукахъ, то во всемъ тѣлѣ. Иногда онъ поворачиваетъ глазами такъ, что видны только бѣлки; не знаю, отъ чего это происходитъ: надобно думать, отъ недостатка воспитанія. Кромѣ того, у него безпокойство (remuements) въ ногахъ, такъ что онъ

не можетъ стоять на одномъ мѣстѣ. Но онъ очень хорошо сложенъ (*il est bien fait de sa personne*), одѣтъ матросомъ, весьма простъ въ обращеніи и ничего больше не желаетъ, какъ быть на водѣ».

Наконецъ Петръ вывелъ изъ недоумѣнія своего друга и отвѣчалъ на его вопросы: 1) онъ (Петръ) скоро возвратится въ Амстердамъ; 2) поѣздка въ Вѣну, и именно чрезъ Саксонію, рѣшена; 3) часть посольства можетъ отправиться туда заранѣе. Однако, въ это же самое время, царь вызвалъ къ себѣ въ Лондонъ втораго посланника, Головина, для заключенія съ адмираломъ Кермартеномъ договора о свободной продажѣ табака и трубокъ въ Россіи. Кроме того, посланникъ долженъ былъ подписать формальные контракты съ нѣсколькими лицами (въ числѣ шестидесяти), желавшими поступить въ царскую службу (\*).

Сообразуясь съ повелѣніями монарха, Лефортъ занялся, въ первыхъ числахъ апрѣля, отправкою въ Вѣну большей части своей свиты, чловѣкъ пятьдесятъ или шестьдесятъ, парадныхъ экипажей и лошадей, и тогда же извѣстилъ вѣнскій дворъ о предстоящемъ прибытіи царскаго посольства. Царь, между тѣмъ, рѣшился посѣтить нѣкоторые города Англіи, и, прежде всего, Портсмуть, гдѣ зрѣлище большихъ маневровъ военнаго британскаго флота доставило ему величайшее удовольствіе. Трудно было ему оставить страну, гдѣ онъ видѣлъ и изучилъ такъ много новаго, гдѣ нашелъ богатую пищу своему уму, гдѣ народъ удивилъ его своимъ трудолюбіемъ, своею дѣятельностію, своею простотою и спокойнымъ предупредительнымъ отношеніемъ къ вѣнчанному работнику. Петръ побывалъ вездѣ, просилъ показывать себѣ и объяснять все замѣчательное и поучительное, и впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Англіи, конечно, не остались безплодными. 18-го апрѣля онъ простился съ королемъ Вильгельмомъ: сцена прощанія двухъ государей замѣчательна не столько по взаимнымъ выраженіямъ ихъ чувствъ, сколько по остроумному и символическому образу проявленія Петромъ его сокровенныхъ помысловъ: онъ прислалъ на память своему брату и другу Вильгельму большой, но нешлифованный алмазь, завернутый въ сѣрую бумагу...

28-го апрѣля царь возвратился въ Амстердамъ, гдѣ опять поселился въ арсеналѣ Остъ-индской Компаніи.

(\*) Извѣстнѣйшіе изъ нихъ были: профессоръ математики Андрей Фергерсонъ, получившій порученіе основать въ Москвѣ мореходное училище; капитанъ Джонъ Перри, долженствовавшій провести каналъ между Волгою и Дономъ, и майоръ Леонгардъ ванъ-деръ-Штампъ, котораго Петръ употреблялъ преимущественно для составленія корабельныхъ чертежей. Остальные были мастера корабельные, мастера судоходныхъ предметовъ и двадцать пять бомбардировъ.

Хотя, въ бытность царя въ Англіи, уже многіе иностранцы были приняты въ его службу, но еще большее число ихъ поступило чрезъ посредство Лефорта: не менѣе пятисотъ восьмидесяти человекъ согласились ѣхать въ Россію, преимущественно такихъ, которые могли быть полезными во всѣхъ отрасляхъ морскаго дѣла. Важнѣйшимъ приобрѣтеніемъ Лефорта для русскаго флота было приглашеніе въ царскую службу отличнаго голландскаго капитана Корнелія Врейса, немедленно произведеннаго въ вице-адмирала.

13-го мая первый посланникъ кончилъ всѣ свои распоряженія по отправкѣ изъ Амстердама въ Архангельскъ (на четырехъ корабляхъ) принятыхъ въ службу голландцевъ и могъ считать свое продолжительное пребываніе въ Голландіи законченнымъ. Безъ сомнѣнія, ему нелегко было расстаться съ образованнымъ и пріятнымъ обществомъ; но и почетнѣйшіе амстердамскіе жители не могли равнодушно видѣть удаленіе изъ среды своей того, кто заслужилъ ихъ нелицемѣрную любовь и уваженіе. По отъѣздѣ Лефорта, пересланы были ему слѣдующіе стихи, пѣтые въ одномъ домѣ:

*Les Regrets de la société fidèle sur le départ de Son Excellence.*

Digne sujet de nos chants d'allégresse!  
 Heureux moments qu'êtes vous devenus!  
 Vous nous laissez plongés dans la tristesse,  
 Nous vous cherchons, et ne vous trouvons plus.  
 Nous savons bien que notre plainte est vaine,  
 Notre bonheur ne saurait revenir;  
 Mais, en perdant ce qui fait notre peine,  
 Nous n'en perdrons jamais le souvenir (\*).

Проживъ слишкомъ восемь мѣсяцевъ въ Голландіи и въ Англіи, Петръ поспѣшилъ въ Вѣну, откуда получилъ извѣстія, несогласовавшіяся съ его видами и намѣреніями. Онъ имѣлъ теперь на Черномъ Морѣ вновь созданный и хорошо снаряженный флотъ, хотѣлъ, въ будущемъ году, энергически продолжать войну съ турками и татарами, и былъ увѣренъ, что императоръ Леопольдъ не откажется дѣйствовать съ нимъ за-одно. А римскій императоръ помышлялъ уже о заключеніи мира съ Портою, при посредничествѣ Англіи и Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ и съ устраненіемъ Россіи и Польши отъ

(\*) „Сѣтованія вѣрнаго общества, по случаю отъѣзда его превосходительства“.

„Достойный предметъ нашихъ веселыхъ пѣсень, счастливыя минуты—гдѣ вы? Вы оставляете насъ погруженными въ горестъ; мы ищемъ васъ и не находимъ. Знаемъ, что сѣтованія наши напрасны: счастье наше не возвратится; но, теряя то, что огорчаетъ насъ, мы никогда не потеряемъ воспоминанія о немъ“.

участія въ мирныхъ переговорахъ. Такое извѣстіе встревожило царя, и онъ тѣмъ сильнѣе желалъ лично объясниться съ Леопольдомъ.

16-го іюня русское посольство имѣло торжественный въѣздъ въ Вѣну; но аудіенція у императора не могла состояться по двумъ причинамъ: во-первыхъ, русскіе послы желали знать, будетъ-ли продолжаема война съ турками или заключенъ миръ, а во-вторыхъ, изъ Москвы еще не были привезены подарки, назначенные его цесарскому величеству. Это обстоятельство не помѣшало, однако, Петру заявить Леопольду о своемъ присутствіи въ посольствѣ и выразить желаніе посѣтить царя частнымъ образомъ. Леопольдъ назначилъ мѣстомъ свиданія загородный замокъ «Фавориту», куда, 19-го числа, и отправился Петръ со своими тремя посланниками. Встрѣтившись въ пріемной залѣ, оба монарха поклонились другъ другу и затѣмъ отошли въ углубленіе окна. Когда сюда былъ позванъ Лефортъ служить переводчикомъ, царь произнесъ слѣдующія слова: «Братъ мой! зная, что ты величайшій государь христіанства, какой только есть на землѣ, я прибылъ сюда нарочно для того, чтобы привѣтствовать тебя и скрѣпить существующій между нами союзъ.... Не прими въ дурную сторону, что я не пріѣхалъ ранѣе: многочисленныя дѣла въ Голландіи и въ Англіи, по снаряженію моихъ морскихъ силъ, были причиною замедленія». — «Императоръ», прибавляетъ Лефортъ, «остался очень доволенъ такимъ комплиментомъ». Оба монарха бесѣдовали довольно долго, но не сѣли (\*). Предметомъ разговора былъ вопросъ о войнѣ или о мирѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, канцлеръ Богеміи, графъ Кинскій, былъ назначенъ вести политическіе переговоры съ генераломъ Лефортомъ, который немедленно вручилъ ему записку съ вопросами: императоръ намѣренъ-ли продолжать войну съ турками, или же заключить миръ? въ послѣднемъ случаѣ, на какихъ условіяхъ для себя и для своихъ союзниковъ?... Отвѣчать на эти вопросы цесарскому двору было нелегко. Политическія комбинаціи успѣли уже измѣниться. Императоръ и германскіе владѣтельные князья, Венеція и Польша жаждали, не менѣе самого султана, мира, о чемъ усердно хлопотали и посредничающія державы, Англія и Голландія; но хотя всѣ стремились къ водворенію спокойствія, однако никто не имѣлъ даже въ мысляхъ противодѣйствовать русскому царю въ утвержденіи русскаго

(\*) Полагаютъ, случилось это потому, что императоръ не хотѣлъ уступить царю правой стороны. Рассказываютъ еще, что когда, послѣ первыхъ привѣтствій, императоръ надѣлъ шляпу, царь остался съ непокрытою головою, потому что былъ инкогнито; замѣтивъ это, императоръ также снялъ шляпу.

господства на Черномъ Морѣ. Напротивъ, всё сознавали, что «теперь, когда сѣверная политика глубже и глубже вліяла на восточныя дѣла, когда она стала существеннымъ элементомъ въ рѣшеніи восточнаго вопроса, явился государь, который обнялъ этотъ вопросъ всею остротою и ясностію своего пронизательнаго ума и вознамѣрился разрѣшить его со всею силою своего характера».... (\*) Въ отвѣтъ на предложенные генераломъ Лефортомъ вопросы, вѣнскій дворъ выразился въ такомъ смыслѣ, что императоръ не искалъ мира съ турками, что самъ султаны предложилъ миръ чрезъ англійскаго посланника въ Константинополь, выбралъ посредникомъ короля англійскаго и предоставилъ ему опредѣлить условія договора, но что императоръ положить оружіе не прежде, какъ заключить миръ, выгодный для себя и для своихъ союзниковъ. Прочитавъ этотъ отвѣтъ, царь пригласилъ къ себѣ, въ посольскій домъ, графа Кинскаго для объясненій. Вотъ замѣчательный разговоръ между ними, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ помѣщенъ въ современнѣйшій документъ (\*\*).

— «Я долженъ, прежде всего, благодарить императора», началъ царь, «за вѣдомости (т. е. за извѣщеніе) о желаніи турками мира, также за сообщеніе писемъ турецкаго султана и англійскаго посла. Только то мнѣ удивительно, что основанія мира опредѣлены единственно волею императора, безъ совѣщанія съ союзниками».

— «Миръ еще не заключенъ», отвѣчалъ канцлеръ, «и высокіе союзники могутъ требовать у турокъ на конгрессѣ все, что имъ угодно».

**Царь.** «Русскимъ посламъ на конгрессѣ однимъ устоять будетъ трудно, когда императоръ удовольствуется предложенными основаніями, который онъ уже и принялъ; мы же согласиться на нихъ не можемъ: они не вознаграждаютъ нашихъ трудовъ и убытковъ».

**Канцлеръ.** «Въ союзномъ договорѣ сказано именно, что каждый обязанъ самъ стоять за себя и помогать у непріятеля удовлетворенія. Его императорское величество потому склоняется на миръ, что долготѣнная война причинила огромные убытки и страшное кровопролитіе; слѣдовательно, видя наклонность турокъ къ миру, надобно выслушать ихъ предложенія».

**Царь.** «Если императоръ намѣренъ прекратить войну и ищетъ мира чрезъ посредниковъ, то надлежало извѣстить меня о томъ за-

(\*) Таково сужденіе извѣстнаго нѣмецкаго писателя Цинкейзенъ, высказанное имъ въ статьѣ: „Der Westen und der Norden im dritten Stadium der orientalischen Frage“. См. Раумера „Historisches Taschenbuch“, на 1858 годъ, стр. 505.

(\*\*) Въ „Статейномъ Спискѣ посольства“.

ранѣ: я не вошелъ бы въ столь великіе убытки. Мнѣ нельзя приступить къ миру, доколѣ не смирю татаръ и не овладѣю въ Крыму надежною крѣпостью. Я былъ съ турками въ мирныхъ сношеніяхъ и разорвалъ ихъ единственно по просьбѣ императора: справедливость требуетъ повременить переговорами, чтобы всѣ союзники могли получить пристойное возмездіе».

Канцлеръ. «Его императорское величество началъ дѣло, не противное обязательству, наиболѣе потому, что настаиваютъ англичане и голландцы, и отказать туркамъ было нельзя. Впрочемъ, хотя дѣло и началось, но до конца далеко, и есть еще время пріобрѣсти отъ непріятеля все желаемое».

Царь. «Англичане и голландцы хлопочутъ только изъ-за прібылей торговыхъ; не во всякомъ дѣлѣ надобно ихъ слушать. Съ моей стороны обмана нѣтъ и не будетъ: что постановлю, на томъ стою крѣпко».

Канцлеръ. «Богу далъ бы отвѣтъ его императорское величество, если бы не прекратилъ христіанскаго кровопролитія, имѣя возможность заключить честный и выгодный миръ».

Царь. «Отъ честнаго мира не отрицаюсь и я; но желаю прочнаго и надежнаго. Между тѣмъ, всякъ, имѣющій разумъ, понимаетъ, что султанъ нищетъ мира видя свою бѣду, а императоръ спѣшитъ помириться съ нимъ для войны съ французами за испанское наслѣдство, и своихъ союзниковъ оставляетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что султанъ снова подниметъ оружіе на императора, какъ скоро вспыхнетъ французская война: тогда уже трудно будетъ помогать ему. Надобно было прежде укрѣпиться въ собственныхъ границахъ и потомъ думать о мирѣ; союзниковъ же покидать не слѣдовало».

Канцлеръ. «Изнуреніе государства и тяжкіе долги — вотъ истинныя причины, которыя побуждаютъ его императорское величество желать мира; притомъ же поляки и венеціане ненадежны: первые давно воевать перестали; вторые также думаютъ прекратить военныя дѣйствія».

Царь. «Истинная причина не въ томъ, а въ видахъ на Испанію. Надобно, однако, размыслить что будетъ съ Венгріей, когда выйдутъ оттуда войска для войны съ Франціей: не забунтовали бы венгры, какъ въ прошломъ году».

Канцлеръ. «Теперь рѣчь идетъ только объ удовлетвореніи союзниковъ; къ чему вспоминать мимошедшее».

Царь. «Все, что служитъ къ цѣлости государства, должно быть предметомъ разсужденія во всякое время. Я не могу удовольство-



ваться предложенными основаніями мира и на все вышесказанное ожидаю отвѣта императора. Между тѣмъ, велю приготовить статьи, чего я требую».

Въ тотъ же день графъ Кинскій возвратился къ царю съ отвѣтомъ императора: Леопольдъ поручилъ своему канцлеру передать, что дѣло о войнѣ и мирѣ будетъ обсуждено на конференціи во всей подробности и что, безъ соглашенія съ его царскимъ величествомъ, ничего предпринято не будетъ. Затѣмъ австрійскому канцлеру вручены были уже заготовленные статьи, въ которыхъ требовалось: 1) для утверженія мира на прочномъ основаніи, къ общей пользѣ всего христіанства, и для обузданія татаръ отъ ихъ губительныхъ вторженій въ рускіе предѣлы, Петръ настаивалъ, кромѣ уступки всѣхъ завоеванныхъ у турокъ городовъ, на присоединеніе къ Россіи татарской крѣпости Керчи, безъ чего ему, царю, не было бы никакой пользы отъ мира; 2) если бы непріятель на то не согласился, то продолжать наступательную войну до истеченія договора, т. е. до 1701 года, чтобы силою оружія принудить враговъ къ постановленію мира, равно выгоднаго и славнаго для всѣхъ союзниковъ.

Послѣ того какъ императоръ сообщилъ царю удовлетворительный, по этимъ вопросамъ, отвѣтъ, критическое дѣло уладилось на столько, что секретарь посольства (Петръ Лефортъ) могъ написать отцу своему въ Женеву (2-го іюля)... «Миръ между союзниками противъ Турціи состоится и его царское величество изъявлялъ уже на то согласіе.... Столь неожиданный оборотъ дѣла замедлитъ наше возвращеніе въ Московію.... Его царское величество готовится ѣхать въ Венецію. Я очень опасаюсь, чтобы государь не продолжилъ своего путешествія еще далѣе, въ виду предстоящаго заключенія мира: онъ уже говорилъ, что желалъ бы посѣтить Францію».

Еще до рѣшенія важнаго вопроса о мирѣ, Лефортъ, по случаю тезоименитства своего монарха, давалъ блистательный праздникъ, на который было приглашено болѣе тысячи человекъ; потомъ императоръ Леопольдъ устроилъ, въ честь царя, большой маскарадъ, въ которомъ всѣ участвующія лица должны были явиться въ костюмахъ различныхъ націй. Петръ выбралъ себѣ одежду фрисландскаго крестьянина. Наконецъ начались переговоры объ аудіенціи посольства; по тутъ возникли, съ обѣихъ сторонъ, такіе вопросы о церемоніахъ и объ этикетѣ, что царь потерялъ терпѣніе и рѣшился ѣхать въ Венецію, въ сопровожденіи немногихъ волонтеровъ. 14-го іюля онъ простился съ Леопольдомъ, а 18-го состоялась и аудіенція.

На другой день утромъ (19-го іюля), Петръ Лефортъ началъ

писать письмо, въ которомъ намѣревался рассказать отцу все случившееся въ послѣдніе дни, но вдругъ прервалъ письмо словами: «*Вторникъ, въ 10 часовъ.* — «Его царское величество приказалъ мнѣ, сегодня утромъ, приготовиться ѣхать, въ полдень, въ Москву. Письма, нами вчера полученные, не дозволяютъ дальнѣйшаго здѣсь пребыванія. Государь, генералъ и я выѣжаемъ въ часъ, оставляя все наши дѣла».

Поводомъ къ отъѣзду было извѣстіе о возмущеніи стрѣльцовъ.

Францъ Яковлевичъ, по прибытіи своемъ въ Вѣну, выразилъ матери и старшему брату сожалѣніе о невозможности видѣться съ ними въ Женевѣ, или даже по близости этого города, и потому просилъ ихъ прислать поскорѣе въ Вѣну сына, для свиданія съ нимъ. Четыре недѣли прошли со времени отсылки этого письма, а молодой Анри Лефорть, отправленный со своимъ двоюроднымъ братомъ Луи, еще не пріѣхалъ въ Вѣну, когда отецъ уже былъ на возвратномъ пути въ Москву. Генералъ успѣлъ оставить, однако, письма своему сыну и племяннику и сдѣлать нѣкоторыя распоряженія относительно ихъ возвращенія въ Женеву и передачи Анри подарковъ: «ящичка съ бриліантовымъ аграфомъ для шляпы, трехъ пуговиць для парубавниковъ, кольца съ семью драгоцѣнными камнями и турецкаго кинжала, осыпаннаго бриліантами». Молодые Лефорты, получивъ въ Регенсбургѣ извѣстіе объ отъѣздѣ царя и генерала, немедленно воротились въ Женеву.

## XVII.

Стрѣлечій бунтъ. — Усиленные заботы царя о снаряженіи елота въ Воронежъ. — Занятія Леорота въ Москвѣ въ отсутствіе Петра. — Дворецъ для него выстроенный. — Болѣзнь и кончина Леорота. — Торжественное его погребеніе. — Надгробное слово. — Гдѣ похороненъ Леоротъ? — Основаніе ордена св. апостола Андрея Первозваннаго. — Петръ на Черномъ Морѣ. — Его виды на Балтійское Море. — Заботы царя о сынѣ Леорота. — Начало сѣверной войны. — Вдова Леорота. — Намѣреніе Петра поставить Леороту памятникъ.

Получивъ, 18-го іюля, донесеніе князя Рамодановскаго о возмущеніи стрѣльцовъ, Петръ былъ такъ пораженъ этимъ извѣстіемъ, что рѣшился безотлагательно возвратиться въ Москву. На другой день, какъ сказано, онъ выѣхалъ въ сопровожденіи Лефорта, Головина, Александра Мепшикова, секретаря посольства и еще двухъ человекъ. Третій посланникъ, Возницынъ, остался въ Вѣнѣ для участія въ мирномъ конгрессѣ.

Царь старался, по возможности, ускорить путь. 22-го іюля онъ былъ уже въ Тарновицѣ, а 31-го въ Равѣ, въ десяти часахъ отъ Льво-

ва, гдѣ его встрѣтилъ самымъ радушнымъ образомъ король Августъ, и гдѣ, несмотря на желаніе поскорѣе добраться до Москвы, онъ принужденъ былъ прожить пять дней. Отсюда, чрезъ Брестъ-Литовскій, достигли 20-го августа Смоленска, а 25-го, вечеромъ, Москвы. Проводивъ обоихъ посланниковъ до ихъ квартиры и захватъ къ генералу Гордону, котораго не засталъ дома (\*), царь поспѣшилъ въ Преображенское.

Подробности стрѣльцкаго бунта не могутъ имѣть здѣсь мѣста. Достаточно ограничиться нѣсколькими общими сужденіями.

Все, что, въ теченіе десяти лѣтъ, Петръ думалъ, къ чему стремился, что совершилъ, все это приверженцы старины надѣялись испровергнуть съ помощію буйныхъ стрѣльцовъ. Молодой царь, сознавая, что дѣло шло не только о посягательствѣ (въ третій разъ) на его жизнь, но и объ осужденіи дорогой ему Россіи на вѣчный застои, имѣлъ моральное и политическое право, и даже обязанность, разъ навсегда покончить и съ несправными, надменными преторіанцами, и съ могущественною старо-боярскою партіей. Онъ не могъ входить въ какія-либо сдѣлки со своими врагами и представить имъ рѣшеніе вопроса: кому должна принадлежать будущность Россіи—ему-ли, животворному представителю новаго времени, или имъ, упрямымъ защитникамъ безжизненныхъ формъ? Идеями, за которыя онъ ежедневно готовъ былъ жертвовать жизнью, обуславливались и тѣ законы, исполнителемъ которыхъ онъ долженствовалъ быть и былъ. Круто, чрезвычайно круто поступилъ Петръ при рѣшеніи великаго вопроса, но ни юридически, ни морально нельзя осуждать его за то. Сѣмя, брошенное имъ въ неводълапную русскую почву, не заглохло: оно принесло плоды, значеніе которыхъ давно оцѣнено исторіей....

Несмотря на прискорбныя событія, царь неустанно работалъ надъ своимъ новымъ созданіемъ—флотомъ. Расчитывая, что въ будущемъ году предстоитъ новая война, онъ, уже во второй половинѣ октября, обнародовалъ указъ, чтобы всѣ офицеры готовились къ ожидаемой кампаніи, вслѣдствіе чего Петръ Лефорть писалъ: «это за-

(\*) Гордонъ былъ въ своемъ помѣстьѣ, гдѣ, 2-го сентября, получилъ извѣстіе о возвращеніи царя 25-го августа, и, какъ ни торопился, пріѣхалъ въ Москву только 8-го сентября. Петръ тотчасъ же послалъ за нимъ и привялъ его въ домъ полковника Крагге. Замѣчательно, что жители Москвы были предувѣдомлены о прибытіи царя, хотя, быть можетъ, царь рассчитывалъ удивить ихъ своимъ внезапнымъ пріѣздомъ: 26-го августа, Гордонъ получилъ въ своемъ помѣстьѣ, куда письма доходили въ пять и въ шесть дней, извѣщеніе, что „на этой недѣлѣ ожидаютъ прибытія его величества въ Москву“.

вляеть думать, что миръ состоится не такъ скоро, какъ предполагали». Или, быть-можетъ, усиленная дѣятельность царя объясняется тѣмъ, что, по прїѣздѣ въ Москву, онъ получалъ важныя донесенія отъ генерала князя Долгорукаго и гетмана Мазепы: къ устью Днѣпра подходилъ турецкій фрегатъ, по былъ уничтоженъ русскими войсками, причеиъ плѣнные турки показали, будто выступившій турецкій флотъ состоялъ изъ 17 фрегатовъ, 16 галіотовъ, 12 галеръ, 24 скальпинъ и 60 другихъ малыхъ судовъ, съ 8,000 десанта, и будто сераскиръ, съ 12,000 пѣхоты и 8,000 конницы, явился подъ Очаковомъ и отсюда переправился въ Крымъ.

Такъ или иначе, только Петръ рѣшился, если миръ не будетъ заключенъ, выставить къ будущему лѣту, подъ начальствомъ адмирала Лефорта, 30 военныхъ кораблей, до 30 галеръ и до 100 бригантинъ, не считая казачьихъ лодокъ. Снабженіе такого многочисленнаго флота экипажемъ и десантомъ еще не было начато. Эту трудную задачу царь также возложилъ на своего любимица, который, кромѣ того, участвовалъ въ судѣ надъ заговорщиками и руководилъ дипломатическими дѣлами, ибо въ это время въ Москву прибыло нѣсколько посольствъ.

Австрійское посольство, въ главѣ котораго стояли Игнацій-Христофоръ Гуаріентъ и Рааль, прїѣхало въ Москву 29-го апрѣля 1698 года, вслѣдствіе заключеннаго между императоромъ Леопольдомъ и царемъ Петромъ, вѣстѣ съ венеціанскою республикою и королемъ польскимъ, наступательнаго противъ турокъ союза. Конференціи не могли, однако, имѣть особенно большаго значенія по причинѣ отсутствія Петра, и потому еще, что вопросы о войнѣ или о мирѣ съ султаномъ оставались нерѣшенными. Иначе пошло дѣло, когда царь возвратился. Мѣстомъ собранія уполномоченныхъ четырехъ державъ и султана былъ назначенъ городокъ Карловицъ, въ петервардейскомъ полку Славонской Военной Границы. Петръ колебался, впрочемъ, приступать-ли ему къ переговорамъ или нѣтъ, и только согласно съ мнѣніемъ боярской думы приказалъ Возницыву принять участіе въ карловицкой конференціи. Лефорту поручено было вести дипломатическую переписку и руководить переговорами о мирѣ. Между тѣмъ дума, во второмъ своемъ засѣданіи, постановила, въ случаѣ безуспѣшности переговоровъ, принять всѣ мѣры къ продолженію войны съ турками.

Всѣми этими важными рѣшеніями, изложенными въ письмахъ изъ Москвы въ Женеву, объясняется, почему Петръ призналъ необходимымъ ѣхать (23-го октября) въ Воронежъ и слѣдить тамъ за

постройкою судовъ. Лефорть остался въ Москвѣ, частью для того, чтобы заняться отправкою на воронежскія верфи флотскихъ принадлежностей и организаціею экипажа, частью по дѣламъ вѣншей политики. Кромѣ австрійскаго посланника, находились въ Москвѣ посланники короля польскаго и датскаго, да ожидали еще посланника курфюрста бранденбургскаго, который ужь былъ въ пути. Наконецъ, для всѣхъ этихъ гостей, Лефорть, какъ представитель царя, обязывался давать обѣды и праздники, долженствовавшіе быть тѣмъ блистательнѣе, что австрійскій посоль проявлялъ, въ этомъ отношеніи, особенную пышность.

Въ тайномъ засѣданіи думы рѣшено было отпраздновать благополучное возвращеніе царя изъ-за границы и подавленіе стрѣльческаго бунта въ новомъ великолѣпномъ дворцѣ, построенномъ въ отсутствіе Лефорта и теперь ему подаренномъ. Самъ хозяинъ сообщил о своемъ новомъ домѣ въ Жезеву (27-го января 1699) слѣдующія подробности: «Прежде всего упомяну о большой залѣ, по отзывамъ многихъ превосходно меблированной; другія четыре комнаты убраны не менѣе прекрасно, но въ разномъ видѣ. Одна изъ нихъ оклеена вызолоченою кожею (*en cuir doré*) и снабжена дорогими шкапами; во второй помѣщены весьма рѣдкія китайскія издѣлія; третья обита желтою шелковою тканію (камкою) и въ ней кровать въ три локтя вышины, съ пунцовыми занавѣсами; четвертая увѣшана, по желанію его царскаго величества, сверху донизу морскими картинами и убрана, начиная отъ потолка, моделями галеръ и кораблей. Есть еще десять комнатъ, изъ которыхъ четыре ждуть своего богатаго убранства. Кругомъ зданія, на галереяхъ, будетъ поставлено до десяти малаго размѣра пушекъ (въ  $\frac{1}{4}$  и въ  $\frac{1}{2}$  фупта пороха) и три батареи; одна изъ нихъ, въ тридцать орудій большаго калибра, находится на противоположномъ берегу рѣки (Яузы) и обращена фронтомъ къ дому. До пятидесяти пушекъ поставятся еще вдоль прудовъ». Всѣ эти орудія предназначались для пальбы во время праздника; хоры музыки и фейерверкъ также входили въ программу. Число приглашенныхъ гостей и теперь, какъ прежде, не превышало трехъ сотъ.

Какъ смотрѣлъ Петръ на великолѣпный подарокъ своему любилицу, видно всего яснѣе изъ того, что бранденбургскій посланникъ былъ принятъ царемъ въ большой залѣ дворца Лефорта. Внутреннее убранство комнатъ отличалось истинно-царскимъ блескомъ и многія изъ нихъ были наполнены серебряными и другими весьма цѣнными вещами; мебель, сработанная по новѣйшимъ образцамъ запада (стиль Людовика XIV), была обита дорогими тканями. Зданіе, въ видѣ че-

тырехугольника, являло всё формы дворца тогдашнего времени. Главная часть, съ залами и жилищными комнатами, была обращена въ садъ. Чрезвычайно обширный дворъ окружали флигеля. Съ улицы подъѣздъ велъ черезъ широкія ворота. Все было построено изъ камня.

Судя по огромнымъ издержкамъ, употребленнымъ на постройку этого дворца (до 80,000 талеровъ, какъ писали изъ Москвы въ Женеву), другаго подобнаго зданія въ Россіи тогда не существовало, и неудивительно, что общему изумленію не было предѣла. Въ стѣнъ дворца сохранился, однако, прежній скромный домъ царскаго любимца.

По возвращеніи изъ-за границы, Лефортъ много заботился о своемъ сынѣ. Онъ писалъ старшему брату: «Препровождаю присемя письмо къ маршалу фонъ Бозе, состоящему при королевѣ польской, къ которой долженъ, какъ можно скорѣе, отправиться мой сынъ. Надѣюсь, что онъ будетъ принятъ хорошо, ибо его величество король польскій неоднократно просилъ меня отпустить къ нему Андри, на что соизволилъ и его царское величество. Г. Карловицъ, генералъ-майоръ и генералъ-комисаръ, также пишетъ къ г. фонъ Бозе письмо, которое передастъ мой сынъ». Кроме того, было заготовлено на имя членовъ женеваго сената письмо, съ изъявленіемъ благодарности за заботливость ихъ о молодомъ Андри, порученномъ ихъ вниманію самимъ царемъ.

20-го декабря Петръ возвратился въ Москву изъ Воронежа. Хотя около того же времени въ Карловицѣ уже было заключено на два года перемиріе между Россіей и Турціей, но какъ въ Москвѣ еще не получали о томъ извѣстія, то приготовленія къ походу продолжались, и царь предполагалъ ѣхать весною въ Азовъ, въ сопровожденіи Лефорта. Но, съ наступленіемъ новаго года, Францъ Яковлевичъ, ослабленный физически и морально непрерывными трудами, опять сталъ страдать недугомъ въ правомъ боку. 3-го февраля Петръ Лефортъ писалъ отцу: «Мнѣ грустно извѣстить васъ, что дядя мой, генералъ, снова болянтъ своими прежними ранами: онъ опять начинаютъ мучить его, и есть опасеніе, чтобы раны не открылись. Дай Богъ, чтобы это не имѣло дурныхъ послѣдствій....» Отъ того же числа онъ извѣщалъ: «Сегодня была послѣдняя казнь осужденныхъ на смерть стрѣльцовъ, тѣхъ несчастныхъ, которые намѣревались отправить всѣхъ насъ на тотъ свѣтъ. Суды закрыты; печальная исторія кончилась....» Спустя восемь дней (12-го числа), въ субботу передъ масляницей, происходило въ новомъ дворцѣ Лефорта празднество, на которомъ присутствовали царь, именитѣйшіе

бояре, иностранные посланники и служилые иноземцы. Новоселье сопровождалось танцами, фейерверкомъ и нескончаемою пушечною пальбою. Два послѣдніе дня масляницы (17-го и 18-го) Петръ, вмѣстѣ съ сестрою своею Наталіей Алексѣевной и сыномъ Алексѣемъ Петровичемъ, провелъ опять у Лефорта, и затѣмъ, 19-го числа, уѣхалъ въ Воронежъ. Вскорѣ Францъ Яковлевичъ заболѣлъ горячкою.

1-го марта племянникъ его писалъ: «Почтеннѣйшій батюшка, пишу вамъ въ комнатѣ генерала, моего дяди, о которомъ увѣдомляю васъ, что онъ очень болѣнъ горячкою. Сегодня седьмой день; но надежда на его выздоровленіе весьма слаба. Не могу выразить вамъ моей скорби. Со слѣдующею почтою сообщу дальнѣйшія извѣстія». Эти извѣстія могли быть отправлены только спустя недѣлю, и потому 8-го числа Петръ Лефортъ написалъ въ Женеву: «Въ ночь, послѣдовавшую за отсылкою моего предъидущаго письма, воля Божія совершилась. Болѣзнь моего дяди продолжалась семь дней, и въ ночь на восьмой, т. е. 2-го марта, утромъ въ два часа, онъ умеръ. Въ теченіе семи дней мы не слышали ни одного, произнесеннаго имъ въ здравомъ разсудкѣ, слова: до послѣдняго вдоха онъ лежалъ въ сильнѣйшемъ бреду. Пасторъ безотлучно находился при немъ, и больной изрѣдка говорилъ съ нимъ, но всегда непонятно; только за часъ до смерти онъ потребовалъ, чтобы читали молитву... Едва могу писать вамъ отъ горя... Нѣтъ надобности изображать вамъ утрату, мною понесенную: вы знаете его лучше, чѣмъ я. Я долженъ утѣшиться. Быть можетъ, Богъ хотѣлъ мнѣ показать, что не слѣдуетъ полагаться на сильныхъ міра сего. Я и вся наша фамилія должны радоваться одному: мы видѣли его на высшей ступени почестей. Всѣ здѣшніе первые сановники, особенно тѣ, которые преданы его царскому величеству, сожалеютъ о немъ чрезвычайно. Только время покажетъ намъ, какую утрату понесли мы, равно и то, что потеряютъ и другіе въ этой великой личности».

Тотчасъ по кончинѣ генерала посланъ былъ гонецъ къ Петру (\*), и хотя приступлено было къ приготовленіямъ торжественныхъ похоронъ, однако ожидали отвѣта изъ Воронежа. «Сегодня или завтра утромъ», писалъ племянникъ покойнаго, «надѣюсь получить отвѣтъ. Быть можетъ, прійдетъ самъ государь. Это было бы очень жела-

(\*) Гонецъ былъ посланъ бояриномъ Головиннымъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ писалъ государю: «Здравіе твое да хранимо Богомъ! Писать болѣ, государь, и много новъ оставилъ для сей причины, либо самъ изволишь быть. Съ перваго числа марта, въ восьмомъ часу ночи, Лефортъ умре; а болѣзнь была себѣ maligna (т. е. febris maligna, злокачественная горячка), и лежалъ семь дней; а лечилъ Субота да Еремьевъ, и кровь пушдали».

тельно для моего двоюроднаго брата (т. е. Анри Лефорта) относительно наслѣдства, ибо католики, родные моей тетки, усиливается разными путями захватить его. Но, благодареніе Богу, я нашелъ, по смерти дяди, друзей, которые поддержать меня въ моихъ правахъ. Одинъ изъ нихъ—князь Борисъ Голицынъ; другихъ назову впоследствии. Князь очень желаетъ, чтобы я остался въ Россіи. По приѣздѣ его величества, узнаю что должно мнѣ предпринять.... Увѣрьте моего двоюроднаго брата (т. е. Анри Лефорта), что я сочту своимъ долгомъ устроить здѣсь его дѣла и, главное, отыскать добрыхъ опекуновъ. Полагаю, что государь сдѣлаетъ выборъ, если ему будутъ представлены добросовѣстные люди моихъ двоюроднымъ братомъ и мною. Прошу васъ, не отправляйте его сюда безъ новаго царскаго приказанія, которое, надѣюсь, не замедлитъ послѣдовать. Благоволите также позаботиться, чтобы онъ продолжалъ свое ученье, особенно въ законѣ Божіемъ, ибо всячески будутъ стараться переманить его въ римскую церковь: таково намѣреніе его матери».

Съ тою же почтою отправлены были въ Женеву письма вдовы генерала къ свекрови и къ сыну. Извѣщая свекровь о своемъ горѣ и прося ее приготовить Анри постепенно къ открытію истины, сама Елизавета Лефортъ писала сыну:... «Отецъ вашъ очень болѣнъ, что крайне озабочиваетъ меня. Было бы необходимо, чтобы вы возвратились сюда для завѣдыванія дѣлами вашего отца, который въ своемъ положеніи не можетъ заниматься ими, а кромѣ васъ здѣсь нѣтъ никого, кто могъ бы устроить его дѣла. Я буду просить его величество о вашемъ возвращеніи» (\*).

Какъ надѣялись и желали, Петръ, получивъ горестное извѣстіе, немедленно поѣхалъ въ Москву. Онъ столько торопился, что прибылъ туда 8-го марта. По издавна-принятому обыкновенію, царь отправился прямо къ своему другу, но на этотъ разъ къ бездыханному его тѣлу. Взглянувъ на покойника, онъ произнесъ многозначительныя слова: «на кого могу я теперь положиться? онъ одинъ былъ вѣренъ мнѣ!...» (\*\*). «Въ чертахъ лица царя выражалась глубочайшая скорбь».

(\*) Анри Лефорту не было тогда и пятнадцати лѣтъ. Въ слѣдующіе почтовые дни, 15-го 22-го марта, мать опять выразила сыну желаніе, и даже требованіе, возвратиться въ Москву, какъ будто мальчикъ могъ распорядиться собою.

(\*\*) Устряловъ сомнѣвается въ справедливости произнесенныхъ Петромъ словъ. „Трудно повѣрить“, говоритъ онъ, „чтобы царь такъ жестоко отозвался о своихъ боярахъ, въ числѣ которыхъ находились князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, доказавшіе ему, еще отроку, безграничную преданность, съ опасностію потерять свои головы на плахѣ, во время владычества Софіи, когда Лефортъ ласкался къ ея наперснику“. (II, 264). По всей вѣроятности



писалъ амстердамскому бургомистру Витсану свидѣтель этой сцены, Геній Россіи могъ найти утѣшеніе только въ томъ, чтобы засвидѣтельствовать передъ свѣтомъ, и въ особенности передъ русскимъ народомъ, свое искреннѣйшее уваженіе къ преждевременно-усопшему посредствомъ торжественнаго оказанія ему послѣдней чести. Невиданнымъ доселѣ въ Москвѣ погребеніемъ онъ хотѣлъ запечатлѣть истину словъ, начертанныхъ, въ Голландіи, подъ портретомъ Лефорты.

«Доблестію и вѣрностію» (*par sa valeur et par sa fidélité*), были эти слова....» Танъ изображаетъ живопись этого храбраго героя и великаго государственнаго человека, котораго монархъ избралъ своимъ довѣреннѣйшимъ любимцемъ за то, что онъ мужественно шелъ вслѣдъ за нимъ, чрезъ кровь и огонь, и велъ штурмы до стѣнъ и башенъ Азова; за то, что руководилъ его своими умными совѣтами—править необъятымъ царствомъ ко благу и славѣ народа. Онъ содѣйствовалъ тому, что отоманская держава преклонила свое знамя предъ крестомъ, и распространилъ границы царства Московскаго до Понта Евксинскаго. Счастье можетъ благоприятствовать то тому, то другому; но здѣсь только испытанную вѣрность наградило правосудіе монарха».

На четвертый день по своемъ возвращеніи, 11-го марта, Петръ кончилъ приготовленія къ погребенію друга, и, притомъ, такому погребенію, какого не удостоивался никто даже изъ знатнѣйшихъ бояръ, не говоря уже объ иноземныхъ служилыхъ людяхъ. Передъ выносомъ тѣла въ реформатскую церковь, государь приказалъ открыть гробъ и долго лобызалъ холодный трупъ, громко рыдая. Въ погребальной процесіи онъ шелъ, одѣтый въ глубокой трауръ, въ главѣ первой роты Преображенскаго полка, за которымъ слѣдовали полки Семеновскій и Лефортовъ, съ печальною музыкою. Всѣ офицеры были также въ полномъ траурѣ. За полками ѣхалъ черный рыцарь съ обнаженнымъ мечемъ, острымъ внизъ; потомъ вели двухъ коней, богато убранныхъ, и одного коня подъ черною попоною. Передъ гробомъ, несомомъ двадцатью восемью полковниками, шли офицеры, державшіе на бархатныхъ подушкахъ золотыя шпоры, пистолеты, шпагу, трость и шлемъ. Непосредственно за гробомъ слѣдовалъ племянникъ усопшаго, Петръ Лефорть, окруженный иностранными посланниками, боярами и царедворцами, въ траурныхъ одеждахъ; за

сти, слова, произнесенныя Петромъ, были первымъ невольнымъ воплемъ, исторгнувшимся изъ скорбной души, и никакимъ видомъ на оскорбленіе своихъ прочихъ вѣрныхъ слугъ дара жить не могъ.

ними шла вдова Франца Яковлевича, Елисавета Францовна, сопровождаемая двадцатью четырьмя женщинами знатныхъ фамилій.

По внесеніи гроба въ реформатскую церковь, одинъ изъ пяти различныхъ пасторовъ (три реформатскихъ и два лютеранскихъ), пасторъ Стумпфіусъ, произнесъ надгробное слово на текстъ изъ книги Екклезіаста (гл. 8, ст. 8): *«Нѣсть челоуѣка, владущаю душою, еже возбранити духу, и нѣсть владущаю въ день смерти»*. Слово состояло изъ двухъ частей: въ первой проповѣдникъ говорилъ о безсмертіи, во второй о смерти. Онъ началъ такъ:

«Смутился и возрыдалъ царь Давидъ, услышавъ о побіеніи царя Саула и сына его Ионаана. О красота израильская! воскликнулъ онъ: вы были быстрѣ орла, крѣпче льва и, неразлучные въ жизни, не разлучились и въ смерти. Пали сильные среди браня! Жаль мнѣ тебя, братъ мой милый, Ионаанъ!...» Такъ и я смущаюсь и плачу, взирая на разрушенную храмину, гдѣ еще вчера обитала душа великая. Какъ падаютъ сильные!... Не зрите-ли, слушателя любезные, въ этомъ незапомнѣннѣмъ, горестномъ случаѣ истину словъ Писанія: *нѣсть челоуѣка, владущаю душою?*

«Что разумѣть здѣсь царь Соломонъ подъ словомъ *душа*? Онъ разумѣетъ душу челоуѣка, существо безтѣлесное, не отъ земли или какой стихіи созданное, но на небесахъ сотворенное Господомъ. Богомъ, который почтилъ челоуѣка образомъ своего невидимаго подобія. И какъ душа есть духъ безплотный, такъ и всѣ дѣйствія ея невещественны: она мыслить, рассуждаетъ, помнитъ, умомъ объятое словомъ износить, Бога величаетъ, художества и всякія знанія приѣмлетъ; существо ея—разумъ и воля. Отъ того она бессмертна и нетлѣнна. Все, составленное изъ частей вещественныхъ, разрушается временемъ; но душа никакою силою разрушена быть не можетъ. Вотъ почему, говоритъ Соломонъ, челоуѣкъ не имѣетъ власти надъ духомъ: ибо челоуѣкъ созданъ отъ земли, а душа безплотна, и никто, никакой властелинъ не имѣетъ воли надъ мыслию послѣдняго раба: тѣло его онъ можетъ разрушить, но въ душѣ невластенъ. Храните же, люди Божіи, это драгое сокровище, не златомъ гибнущимъ, но кровію Христа Спасителя искупленное; храните свою душу, красотою бессмертія украшенную, ангеламъ подобную, въ чистотѣ непорочной, и не оскверняйте ее ни зловредными грѣхами, ни плотскими страстями: вы надъ нею невластны.

«Невластны мы и надъ смертію: она не щадитъ ни сильныхъ, ни юныхъ, ни красоты, ни безобразія, ни добродѣтели, ни порока, и много могъ бы я привести тому примѣровъ; но, повинувшись дер-

жальной воли, не стану широко распространяться; только одно напомню: трепещите страшнаго Судии, готоваго ежечасно поразить васъ; помышляйте ежеминутно о спасеніи вашей души благочестіемъ, воздержаніемъ, молитвою, благими дѣлами, и когда всерѣпная десница повергнетъ васъ на одръ смертныи, воскликните смиренно: Господи! да будетъ воля твоя!

«Суетный человѣкъ! взгляни на сей гробъ и размысли, гдѣ твоя гордость и надменность? Ты болѣе не что, какъ персть, земля и прахъ; восходящій и рассыпающійся дымъ, улетающій паръ; вся твоя жизнь подобно вчерашнему дню, который миновалъ и никогда не возвратится. О чемъ хлопчешь ты и суетишься, забывая высшее свое гражданство, гдѣ Господь Богъ сотворилъ твою душу чисту, святу, непорочну, и куда Онъ ежедневно устами святыхъ пророковъ и апостоловъ зоветъ тебя, какъ гражданина въ отечество, обѣщая одною слезною каплею искреннаго раскаянія омыть твои грѣховныя смрачныя влугавства? Трепещи страшнаго вѣчнаго огня! Помысли, что жизнь твоя исчезнетъ, какъ мыльный пузырь, что, на яву и во снѣ, въ груди своей ты носишь смерть, что тѣло твое есть жилище всякихъ бѣдъ и окаянствъ, и что самъ ты снѣдъ червей. Станешь-ли послѣ сего прилѣпляться къ міру? Онъ готовъ тебя ежеминутно оставить и ввергнуть въ мрачную могилу, откуда ты не выйдешь, доколѣ не позоветъ тебя гласъ трубы архангельской предъ страшнаго Судію: но тогда обратишь его чужда всякой милости. Имѣй сей судъ непрестанно предъ своими тѣлесными и умственными очами, да избѣгнешь невозвратной вѣчной бѣды, отъ которой тебя никто уже избавить не можетъ.

«И чего не въ силахъ я выразить словами о нашей суетѣ и ничтожности, то ясно и очевидно указываетъ этотъ гробъ. Въ немъ видимъ мы изображеніе и конецъ нашего окаяннаго пути, и легко станется, что нѣкоторые изъ насъ вскорѣ, еще нынѣшнимъ лѣтомъ, послѣдуютъ за преставшимися. Свѣтлѣйшій господинъ, такъ неожиданно, въ полной силѣ лѣтъ отъ насъ похищенный, свидѣтельствуетъ истину словъ Соломоновыхъ, что человѣкъ не имѣетъ власти надъ днемъ смерти своей.

«Краснорѣчивыхъ похвалъ ему отъ меня не ждите: я могу только плакать. Когда сердце преисполнено любви или печали, возмущенный умъ не въ силахъ утѣшить васъ струями избранныхъ словъ. Притомъ же ни мѣсто истины, на которомъ стою, ни часъ, ни случай не позволяютъ мнѣ велегрѣчивыми похвалами живописать качества и свойства сильныхъ. Предстоящій здѣсь сонмъ можетъ едино-

гласно засвидѣтельствовать, что Царское Величество лишился вѣрнаго раба и служителя, войско потеряло великаго вожда, церковь наша утратила ходатая и покровителя; всѣ же мы оплакиваемъ друга и пріятеля любезнаго.

«Но память его не угреть: незабвенно и вѣчно пребудетъ ния Царскаго Величества, доколѣ солнце не престанетъ обходить небесный кругъ надъ горизонтомъ Россійской Монархіи; не угаснетъ ния и сего великаго министра: ибо всѣ мы знаемъ, что Его Царское Величество былъ ему свѣтъ, жизнь, щить, радость и на землѣ сей небо. Случается иногда и великимъ людямъ видѣть затмѣніе милости своихъ государей, подобно затмѣнію солнца; но о семъ представляемъя господинѣ справедливо можно сказать, что солнце жизни его померкло въ самый поидень славы, лучи же царской милости провозждаютъ его и до могилы. Усопшій господинъ, прошедъ всѣ степени честей человеческихъ, на высотѣ славы своимъ разумомъ такъ себя держалъ, что вѣтры гордыхъ страстей не могли его низринуть: онъ зналъ, что милость государя подобна радугѣ небесной, которая сіяетъ до тѣхъ только поръ, пока лучи солнца въ облака ударяють, и что высокіе столпы и пирамиды наиболѣе подвержены молніи и грому. Доступностію наверху почестей, готовностію къ ходатайству, безмѣрною кротостію и постояннымъ дружелюбіемъ онъ привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ людей... Но не стану отягчать памяти нашего усопшаго друга многорѣчивыми похвалами, да устранится всякій видъ ненавистной лести: никогда не требовалъ онъ отъ меня похвалъ при жизни; къ чему онъ ему по смерти?»

«О духовномъ же состояніи души его намъ, христіанамъ, должно разсуждать съ любовью. Велика пучина щедротъ Божіихъ; превыше небесъ она, глубже самыхъ безднъ; пути Господа несповѣдимы; дѣла его чудны; можетъ Онъ тягчайшихъ грѣшниковъ отъ муки избавить и, очистивъ ихъ, бѣдѣ снѣга убѣлить; Онъ и разбойника, ради одного слова, отъ ада спасъ и въ рай вселилъ. Какъ же намъ осуждать другихъ, когда сами мы должны предстать на судъ Христа? Скажу только о благородномъ усомненіи, что, въ началѣ болѣзни, бывъ еще въ разумѣ совершенномъ, онъ съ кротостію и смиреніемъ слушалъ духовное поученіе и на мои увѣщанія о необходимости приготовиться къ смерти, къ преселенію въ безконечную вѣчность, отъ глубины души отвѣчалъ: *во всамъ повинуюсь волю милосердаго Бога*. Въ прочіе же дни, палящій жаръ лютой огневицы не допустилъ его на мои слова отвѣтствовать. Но предъ кончиною, какъ смерть стала бороться съ живнію, онъ снова обнару-

жилъ нѣкоторые признаки разумѣнія, особенно когда мы возносили молитвы свои объ немъ ко Господу Богу, въ чемъ могутъ засвидѣтельствовать бывшія при томъ особы. Посему имѣемъ надежду, что, въ часъ возстанія всея плоти, предъ судомъ Всевышняго онъ обрящетъ себѣ Судію милосердаго».

Проповѣдникъ заключилъ свое слово разсужденіями о необходимости приготовить добродѣтельною жизнію блаженную кончину, по изрѣченію философа Сенеки.

Слово это такъ понравилось Петру, что онъ пожелалъ имѣть его у себя и приказалъ напечатать (\*).

По произнесеніи надгробнаго слова, тѣло было отнесено на нѣмецкое кладбище и опущено въ склепъ, при громѣ выстрѣловъ изъ сорока полевыхъ орудій, батальнаго огня всѣхъ присутствовавшихъ войскъ и при звукахъ печальной музыки. Здѣсь пасторъ Стумпфіусъ еще разъ произнесъ краткую рѣчь, послѣ чего опять сдѣланы были два залпа; затѣмъ знатнѣйшіе изъ участниковъ въ процесіи отправились въ домъ покойнаго, гдѣ, по русскому обычаю, были угощены; но царь не принималъ участія въ поминкахъ.

О мѣстѣ погребенія Лефорта было писано много. Что гробъ былъ опущенъ въ заранѣе приготовленный склепъ, это положительно подтверждается показаніемъ сына Франца Яковлевича. Возвратившись изъ Женевы въ Москву, Андрей Лефортъ писалъ дядѣ своему Ами (20-го апрѣля 1702 года): «Я ходилъ туда, гдѣ похороненъ мой отецъ. Гробъ его стоитъ въ каменномъ склепѣ. Я приказалъ открыть

(\*) Мы привели выдержки изъ надгробнаго слова по тексту, напечатанному Устряловымъ (III, 266—270), который руководствовался современною рукописью, хранящеюся въ Академіи Наукъ и имѣющею слѣдующее заглавіе: „Надгробное поученіе въ день погребенія генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта, еже изглагола реформатовъ пасторъ г. Стумпфіусъ сего 207 года марта въ 11 день“. Устряловъ полагаетъ, что пасторъ говорилъ слово на нѣмецкомъ языкѣ; Посселятъ же не сомнѣвается, что оно было произнесено на языкѣ голландскомъ, ближе известномъ царю Петру. Въ Публичной Библіотекѣ есть нѣмецкій переводъ слова. Полное заглавіе его слѣдующее: „Eine Begräbniss-Rede, gehalten vor einer Durchlauchtigen und Volkreichen Versammlung in der teutschen Sloboda vor Mosco den 11 Martii Anno 1700 (1689). Bey der Leich-Begräbniss Seiner Excell. Weyland des Hoch und Wohlgebohrnen, Hoch-Edlen und Mannhaften Herrn Franciscus Le Fort, Seiner Czarischen Majestät Admiral, General und unlängst an verschiedene Europäische vornehmste Höfe ersten Ambassadeurs. Aus dem Prediger Salomon 8 v. 8, sans Licht gegeben durch Ludwig Hermann Stumpfius, Predigern daselbst, und auf vieler Vornehmen Begehren ins teutsche übersetzt. Berlin, bei Gottfr. Sechlahigern. 4.“ Если, какъ сказано на главномъ листѣ, слово переведено на нѣмецкій языкъ по желанію многихъ знатныхъ особъ, то мнѣніе Посселяты, что оно было произнесено на голландскомъ языкѣ, должно признать вѣрнымъ.

гробъ и видѣлъ отца: онъ сохранился такъ хорошо, какъ будто не лежалъ тамъ и недѣли, а уже прошло три года; говорить, что въ такомъ состояніи онъ сохранится болѣе пятнадцати лѣтъ. Увѣрю васъ, я тотчасъ узналъ его». Между тѣмъ, произведенныя въ равное время изслѣдованія о томъ, гдѣ именно былъ погребенъ Францъ Яковлевичъ, не привели къ положительнымъ выводамъ. Существовали два кладбища для иновѣрцевъ: одно, старое, находилось въ такъ-называемой Марьиной Рошѣ, внѣ городской черты; другое, новое, за Нѣмецкою Слободою, на востокъ, слѣдовательно недалеко отъ дома Лефорта. Погребенія его въ Марьиной Рошѣ нельзя допустить потому, что, въ такомъ случаѣ, процесія должна была бы совершить весьма длинный путь назадъ, и это, конечно, не осталось бы незамѣченнымъ, такъ какъ уже шестіе отъ дома до церкви, при маломъ, сравнительно, разстояніи, потребовало много времени. Но и на новомъ кладбищѣ, какъ и на старомъ, не было найдено слѣдовъ мѣста погребенія, и это могло случиться тѣмъ легче, что, по преданію, могила была покрыта большимъ камнемъ, съ глубоко-вырѣзанною на немъ надписью. Камень существовалъ еще въ началѣ втораго десятилѣтія нынѣшняго вѣка, но на томъ мѣстѣ, или по близости, гдѣ стояла прежняя реформатская церковь. Въ московскій пожаръ 1812 года, эта церковь, съ сосѣдними зданіями, была разрушена въ-конецъ; новаго храма малочисленная реформатская община себѣ не выстроила: она удовольствовалась молитвеннымъ домомъ въ центрѣ города; мѣстность же въ Нѣмецкой Слободѣ осталась пустыремъ, и только впоследствии здѣсь начали возникать дома, подъ которые былъ проданъ участокъ, принадлежавшій церкви реформатовъ. Прежде чѣмъ это случилось, одинъ любитель древностей видѣлъ на упомянутомъ мѣстѣ плиту надъ могилою Лефорта, хотя, въ сожалѣнію, не произвелъ, или не могъ произвести, дальнѣйшихъ изслѣдованій (\*). Съ тѣхъ поръ исчезъ безслѣдно и надгробный камень; всѣ усилія допытаться, куда онъ дѣвался, оставались напрасными. Только въ 1862 году, въ московской газетѣ покойнаго Н. Ф. Павлова («Наше Время» № 24-й), появилась пояснительная замѣтка. Одинъ любознательный купецъ сообщалъ въ ней интересныя свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія Лефорта. По словамъ знакомаго этому купцу церковнаго старосты, очевидца, недавно умершаго, участокъ, гдѣ стояла реформатская церковь, былъ вновь застроенъ, вросшія же въ землю надмогильныя плиты вырыты, и тутъ

(\*) Это былъ смѣль лейбъ-медика Рихтера, автора «Исторіи медицины въ Россіи».

выросъ домъ г. Ломажина (нынѣ Шапова). Когда была разрыта могила Лефорта, въ гробу нашли сохранившійся хорошо мундиръ, который, однако, чрезъ нѣсколько минутъ разсыпался. Гробъ былъ перенесенъ на Лазаревское кладбище, вѣроятно на нѣмецкое, близъ Марьиной Роши (\*). Данные эти наиболѣе согласны съ немногими преданіями, чѣмъ и разрѣшается вопросъ о мѣстѣ погребенія Лефорта.

Извѣстіе о кончинѣ Лефорта достигло въ Амстердамъ съ невѣроятною, при тогдашнихъ условіяхъ, быстротою, и отсюда было сообщено впервые старшему брату Франца Яковлевича. Въ Амстердамѣ, гдѣ покойный приобрѣлъ искреннихъ друзей, оно возбудило не только всеобщее участіе, но и непритворную печаль. Бургомистръ Витсенъ писалъ въ Женеву: «Я получилъ увѣдомленіе, что Богъ воззвалъ къ себѣ генерала и адмирала, вашего брата, моего короткаго друга. Онъ находился на высшей степени милости у его царскаго величества, былъ имъ любимъ болѣе нежели кто-нибудь, и уважалъ всю московскую націю; онъ былъ опорой религіи, защитникомъ иноземцевъ, преимущественно евангелическихъ, которые чтли его какъ отца. Скорблю о вашей утратѣ и о нашей. При такомъ ударѣ судьбы, я еще не въ состояніи обсудить, куда всего цѣлесообразнѣе было бы отправить его сына для окончательнаго воспитанія; предварительно слѣдуетъ узнать намѣренія его величества, который несомнѣнно позаботится о немъ». Витсенъ сообщилъ Дюбрэлю, издателю мѣстной газеты, извѣщеніе о смерти Лефорта, которое и было напечатано 13-го (23-го) апрѣля (\*\*). Въ такомъ же смыслѣ, какъ амстердамскій бургомистръ, писалъ въ Женеву и амстердамскій негодичтъ Туртонъ.

Письма этихъ двухъ почтенныхъ людей, знавшихъ покойнаго генерала еще юношею и внимательно слѣдившихъ за его жизненнымъ

(\*) Замѣчательно, что, въ то время, ни жившіе въ Москвѣ иностранцы, ни даже русскіе археологи (например, покойный профессоръ И. М. Снегиревъ) ничего не знали объ этомъ событіи, и исчезновеніе надгробной плиты становится, такимъ образомъ, понятнымъ. Она, вѣроятно, пошла подъ фундаментъ дома. Перевозка же гроба въ Марьину Рошу весьма сомнительна, потому что тамошнее вновьрое кладбище упрямлено уже дѣтъ сего, и мо нѣмъ давно проложена дорога. Когда, въ сороковыхъ годахъ, найдена была могила известнаго пастора Глюка, предполагалось хорошо сохранившійся надгробный камень и все, что отыскано въ землѣ, перенести на новое кладбище; но предположеніе это не исполнялось.

(\*\*) Кроме того, извѣстіе о смерти и погребенія Лефорта было напечатано въ газетахъ: „Nouvelles de divers endroits“ № 37-й; „Gazette de France“, № 19; „Gazette de Hollande“, 23-го апрѣля 1699; „Les états de Hollande et de West-Frile“, 30-го апрѣля того же года.

поприщемъ, могутъ служить образчиками отзывовъ и мнѣній, высказанныхъ прочими друзьями и знакомыми о качествахъ Франца Яковлевича; и ихъ сердечной скорби по поводу его преждевременной кончины. Всѣ, полученные амстердамскими жителями изъ Москвы известія о болѣзни и о послѣднихъ часахъ знаменитаго друга и сотрудника Петра вполне согласуются съ вышеприведенными подробностями, и такими документами опровергаются злонамѣренные рассказы Корба (секретаря австрійскаго посольства) и Александра Гордопа.

Нетрудно понять, какимъ жестокимъ ударомъ поразила неожиданная вѣсть родныхъ Лефорта, особенно его восьмидесятилѣтнюю мать (она послѣдовала за нимъ въ вѣчность черезъ годъ) и его старшаго брата и друга. Огорченіе, причиненное имъ вѣкогда юношею, оставившимъ родительскій домъ, давно было забыто и прощено, и хотя ни матери, ни брату не суждено было видѣть Франца возвеличеннаго и прославленнаго, но имъ оставалась въ утѣшеніе мысль, что онъ честно и достойно продолжилъ себѣ путь къ высшему земному счастью.

Советъ женеvской республики, получивъ съ глубокимъ сочувствіемъ извѣстіе о кончинѣ своего знаменитаго гражданина, успѣвшимъ выразить царю, въ соболѣзновательномъ письмѣ, свои чувства и ходатайствовалъ о принятіи государемъ подъ особенное покровительство молодаго Анри Лефорта.

Дѣйствительно, Францъ Яковлевичъ, вѣрный и безкорыстный слуга своего монарха, оставалъ сыну только свое доброе имя: онъ считалъ противнымъ своимъ убѣжденіямъ заботиться о его матеріальномъ обезпеченіи, хотя и имѣлъ къ тому всѣ средства. Это-то рѣдкое, въ то время, да и всегда, безкорыстіе Петръ умѣлъ высоко цѣнить въ своемъ другѣ, и потому, непосредственно послѣ погребенія, пожелалъ узнать, въ какомъ положеніи находились денежные дѣла покойнаго. Оказалось, что послѣ него остались только долги. Царь приказалъ немедленно уплатить изъ своихъ суммъ и значительныя похоронныя издержки, и всѣ долги. Надлежало теперь рѣшить вопросъ о судьбѣ единственнаго сына генерала. Ами Лефортъ успѣшилъ написать Витсену, чтобы тотъ употребилъ все свое вліяніе на царя и уговорилъ его взять къ себѣ мальчика; кромѣ того, онъ тревожился о будущемъ положеніи въ Россіи и своего сына, Петра, лишеннаго могущественной опоры дяди. Оба эти обстоятельства побудили, наконецъ, Ами Лефорта обратиться прямо къ царю съ просьбою о милостивомъ вниманіи къ молодымъ людямъ. Но Петръ, по возвращеніи изъ Воронежа, самъ рѣшилъ вопросъ. Онъ объявилъ, что



будеть отцемъ сыну своего друга и позаботится обо всѣхъ его нуждахъ; но выразилъ волю, чтобы Андрей отправился къ саксонскому двору, какъ того хотѣлъ его отецъ, и желаніе, чтобы мальчакъ остался еще лѣтъ пять или шесть внѣ Россіи, для окончанія своего воспитанія. Въ такомъ смыслѣ царь отвѣчалъ и на убѣдительныя просьбы матери о возвращеніи сына и назначилъ ей ежегодную пенсію въ тысячу слишкомъ рублей (\*). Относительно деревень, пожалованныхъ покойному генералу послѣ взятія Азова, было постановлено, что онѣ составляютъ собственность сына, но что мать должна владѣть ими до его совершеннолѣтія, или до того времени, когда онъ самъ можетъ вступить въ управленіе. «Остался еще прекрасный домъ», замѣчаетъ Петръ Лефортъ, «но какъ. онъ построенъ на деньги изъ царской казны, то я не знаю, будетъ ли онъ принадлежать моему двоюродному брату. Домъ и меблированъ на суммы его царскаго величества; въ немъ хранится серебряная посуда, которая составитъ наиболѣе богатую часть наслѣдства».

По приказанію царя, товарищъ Франца Яковлевича по посольству, бояринъ Ѳ. А. Головинъ, распорядился, чтобы Петръ Лефортъ, совмѣстно съ полковникомъ Георгіемъ Лимою (бывшимъ вице-адмираломъ), привели въ извѣстность денежные дѣла покойнаго, какъ относительно издержекъ на похороны, такъ и долговъ, и составили опись всего найденнаго въ домѣ: платья, серебра и другихъ цѣнныхъ вещей. Всѣ эти документы сохранились: изъ нихъ видно, что надлежало уплатить, по предъявленнымъ требованіямъ, 5,957 рублей 25 алтынъ 4 деньги, и показано, изъ какихъ именно суммъ государевыхъ должна быть произведена уплата. Серебряныхъ вещей, кубковъ съ крышками и безъ крышекъ, большихъ кружекъ, блюдецъ, тарелокъ и т. д., найдено, вѣсомъ, 10 пудовъ 23 фунта 6 золотниковъ. Въ описи поименованы также хрустальныя и фарфоровыя вещи, преимущественно китайскія, предметы одежды съ дорогими соболями, шитый золотомъ бархатъ, китайскія ткани, ковры, шапки, стулья, и отмѣчено, что изъ дворца (двора) Франца Яковлевича Ле-

(\*) Петръ Лефортъ писалъ своему отцу: «Ma tante, par sa manière de vivre avec mon feu oncle, a attiré sur elle quasi la disgrâce S. M. Cz.» (Тетушка моя, за свои отношенія къ покойному моему дядѣ, навлекла на себя какъ бы немилость его царскаго величества»). Замѣчательно, что вдова Лефорта уже не писала болѣе ни къ свекрови, ни къ дочери Ами Лефарту, и послѣ половины іюня не отыскалось ея писемъ даже къ сыну. На письмо ея, съ извѣстіемъ о смерти генерала, Ами Лефортъ отвѣчалъ самымъ сочувственнымъ образомъ и утѣшалъ ее слѣдующими словами: «Впрочемъ, у васъ есть сынъ, который постарается идти по слѣдамъ своего отца: онъ здоровъ тѣломъ, разуменъ, хорошо учится и съ каждымъ днемъ приобретаетъ болѣе и болѣе знаній».

форта взяты, для царевича и великаго князя Алексѣя Петровича, два зеркала въ рамкахъ изъ череныхъ, кресла и стулья, обитые дорогими матеріями, и нѣкоторыя другія вещи. Александру Даниловичу Мемшикову были переданы: портретъ его величества («персона великаго государя»), шапкъ изъ чернаго дерева, три китайскіе ковра, два кафтана, два бархатныхъ камзола, одѣяло изъ китайской ткани, два куска парчи и пять кусковъ китайской матеріи. Вдова генерала получила: два сорока соболей, одѣяло опушенное соболемъ и покрытое золотомъ парчею, кафтанъ изъ парчи, обшитый соболями, 70 штукъ персидскихъ сѣрыхъ овчинныхъ и чернобурыхъ лисьихъ мѣховъ, три куска бархата, 12 китайскихъ чайныхъ чашекъ съ блюдечками, 12 стульевъ, 9 шапокъ орѣховаго дерева, 4 картины. Ей же была отдана икона Божьей Матери. Петръ Лефортъ получилъ столовые часы. Всѣ остальные вещи были сирятаны и запечатаны царскою печатью (\*).

13-го марта Петръ возвратился въ Воронежъ, гдѣ занялся снаряженіемъ своего флота не для кампаніи, но для плаванія на Черномъ Морѣ. Получивъ извѣстіе о заключеніи Возницынымъ предварительныхъ статей мира въ Карловицѣ между Россіей и Портою, онъ рѣшился отправить въ Константинополь чрезвычайнаго посла, для дальнѣйшихъ переговоровъ, въ лицѣ начальника Посольскаго Приказа, думнаго дьяна Украинцева, и хотѣлъ, чтобы его сопровождала цѣлая эскадра. По письмамъ же, полученнымъ изъ Москвы въ Амстердамѣ, самъ царь думалъ сопровождать посланника своего въ Константинополь, конечно инognito, какъ то было и при отправленіи посольства въ западныя государства.

Въ кратковременное пребываніе свое въ Москвѣ (съ 8-го по 13-е марта), Петръ совершилъ дѣло, о которомъ и до сихъ поръ въ историческихъ сочиненіяхъ пишутъ или неопредѣлительно, или невѣрно. Говоримъ объ основаніи перваго русскаго ордена, названнаго по имени Св. Апостола Андрея Первозваннаго. То утверждали, будто Лефортъ былъ первымъ кавалеромъ этого ордена, то спрашивали, почему онъ не былъ кавалеромъ его, то разсуждали о времени основанія ордена. Слѣдующими фактами, почерпнутыми изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ, объявляется вся сущность дѣла.

Въ 1697 году, при отъѣздѣ большаго посольства, ближній бояринъ и генераль Борисъ Петровичъ Шереметевъ получилъ порученіе въ Вѣну и Венецію. Ему было дозволено посѣтить и другія со-

(\*) О многочисленной конюшнѣ и о дорогихъ лошадяхъ покойнаго свидѣній нѣтъ.

сѣдственные земли и государства, для ознакомленія съ военными дѣйствіями на морѣ противъ враговъ святаго креста; онъ имѣлъ даже разрѣшеніе съѣздить въ Римъ и побывать на островѣ Мальтѣ у знаменитыхъ рыцарей. Въ Вѣнѣ Шереметевъ выразилъ императору желаніе посѣтить храбрыхъ мальтійскихъ рыцарей, чтобы, какъ онъ самъ выразился, при возвращеніи на ихъ великія и доблестныя дѣла, возвысить свою сильную склонность къ военному дѣлу.

Въ маѣ 1698 года, Борисъ Петровичъ отправился въ Мальту, гдѣ былъ принятъ съ такимъ отличіемъ, что великій магистръ ордена лично вручилъ ему осыпанный брилліантами крестъ и сказалъ: «Этотъ знакъ, носимый нами на одеждѣ, носимъ мы и въ нашихъ сердцахъ... Это тотъ самый знакъ, который императоръ Константинъ видѣлъ на небѣ, и явленіе котораго сопровождалось словами: *«симвъ побѣдиши твоихъ враговъ»*...». Вслѣдъ затѣмъ Шереметевъ получалъ грамоту на орденъ, съ приложеніемъ печати. Въ іюлѣ онъ увидѣлся съ Петромъ въ Вѣнѣ, и отсюда былъ посланъ въ Венецію, съ извѣщеніемъ о предстоящемъ туда прибытіи царя. Какъ былъ принятъ тогда первый русскій мальтійскій кавалеръ, какое впечатлѣніе произвелъ крестъ носимый имъ на груди, неизвѣстно. Петръ, какъ мы знаемъ, поспѣшно вернулся въ Москву, а Борисъ Петровичъ пріѣхалъ туда лишь 10-го февраля 1699 года. Спустя два дня, происходило блистательное празднество у генерала Лефорта. Новый кавалеръ представился здѣсь царю въ нѣмецкой одеждѣ, съ орденскимъ крестомъ, былъ принятъ съ особенною милостію и поздравленъ съ полученіемъ мальтійскаго ордена. Петръ разрѣшилъ Шереметеву носить крестъ постоянно и приказалъ именовать и писать его «бояриномъ и кавалеромъ военнаго мальтійскаго ордена».

Понятно, что Петръ много бесѣдовалъ съ Шереметевымъ о Мальтѣ, и въ особенности о дѣлѣ учрежденія мальтійскаго ордена. Когда Борисъ Петровичъ объяснилъ первоначальное назначеніе ордена—наградить имъ за отличные военные подвиги противъ османовъ и обязывать рыцарей на борьбу съ ними—царь, конечно, легко могъ увидѣть въ этомъ сходство своего положенія и своего образа мыслей. Въ данной Шереметеву грамотѣ онъ прочиталъ, что орденскій крестъ долженъ быть носимъ постоянно, для успѣшной борьбы съ турками, съ татарами и съ другими врагами святаго креста, и что неизмѣннымъ девизомъ рыцарей должно быть «за вѣру». Все такія соображенія могли быстро навести царя на мысль основать подобный же кавалерскій орденъ въ Россіи: онъ, вѣдь, самъ сражался за вѣру и посвятилъ свою жизнь одолѣнію враговъ христіанства, какъ о томъ

выразился патриарху. При дальнейшемъ развитіи этой мысли, Петръ постановилъ, чтобы орденъ былъ посвященъ святому апостолу Андрею, первому провозвѣстнику Евангелія въ русской землѣ, и чтобы, подобно мальтійскому, служилъ для награжденія отличныхъ военныхъ подвиговъ противъ турокъ.

Неизвѣстно, на сколько царь успѣлъ положить основаніе къ осуществленію своей мысли до отъѣзда, 19-го февраля, въ Воронежъ. Нѣтъ сомнѣнія, что имъ уже были сдѣланы нѣкоторые распоряженія, потому что, когда онъ неожиданно возвратился въ Москву, 8-го марта, знакъ для ордена Св. Андрея Первозваннаго уже былъ готовъ. 9-го того же мѣсяца царь обѣдалъ у боярина Шереметева, а 10-го пожаловалъ орденъ боярину Ѡ. А. Головину. Тотъ же девизъ, какъ и у мальтійцевъ—«за вѣру»—находился, вмѣстѣ съ крестомъ, на орденскомъ знакѣ Св. Апостола Андрея (\*).

Такъ возникъ первый русскій орденъ, еще безъ статута; который былъ начертанъ Петромъ уже въ 1720 году. Что Лефортъ не могъ имѣть

(\*) Орденскій знакъ былъ изготовленъ, по всей вѣроятности, граверомъ Адрианомъ Схонебекомъ, принятымъ въ царскую службу во время пребыванія посольства въ Амстердамъ, и теперь находившимся въ Москвѣ. Состоитъ, какъ и всѣ художники, при Оружейной Палатѣ, начальникомъ которой былъ Головинъ, Схонебекъ занимался тогда сочиненіемъ объ орденахъ духовныхъ и военныхъ и въ 1699 году кончилъ свою «Histoire de tous les ordres militaires de la chevalerie, contenant leurs institutions, leurs cérémonies, pratiques, leurs armes et leurs devises, gravés ensuite». Когда царь возымѣлъ мысль основать русскій орденъ, Головинъ получилъ приказаніе изготовить орденскіе знаки въ Золотой Палатѣ, при которой находились лучшіе золотыхъ дѣлъ мастера, и это, безъ сомнѣнія, не могло обойтись безъ совѣта съ названнымъ художникомъ. Быть можетъ, 10-го марта Головинъ и представилъ государю первый готовый экземпляръ знаковъ ордена, которыми и былъ пожалованъ немедленно. Кромѣ этого экземпляра, въ 1699 году не было, кажется, изготовлено другаго, потому что ни генералу Шежну, ни генералу Гордону, еще находившимся въ живыхъ и жившимъ, безспорно, право на полученіе новаго ордена, не были пожалованы знаки его. Только въ 1700 году встрѣчается второй андреевскій кавалеръ, въ лицѣ гетмана Мазепы, награжденнаго за заслуги въ войну 1695 года, когда онъ, совместно съ Берисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, командовалъ на Днѣпрѣ войсками, выставленными противъ турокъ и татаръ. Крестъ, изготовленный мастеромъ Александромъ Клеркомъ, былъ осыпанъ *двадцатью-пятью* брилліантами, стоншими, по тогдашнему курсу, до 750 рублей; золото на крестъ стоило семь рублей, да на цѣпь израсходовано 52 червонца. Въ томъ же году получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго валахскій господарь Константинъ Бранкованъ. Самъ царь былъ лишь *седьмымъ* кавалеромъ (10-го мая 1703), Александръ Меншиковъ—*восьмымъ*.

Какъ на знаменахъ мальтійскихъ рыцарей былъ изображенъ ихъ орденскій крестъ, такъ, въ 1700 году, и на знаменахъ полковъ Преображенскаго и Семёновскаго находилось изображеніе креста Св. Апостола Андрея.

Сообщая всѣ эти данныя, почерпнутыя въ разныхъ архивахъ Москвы, Посельскъ прибавляетъ, что, болѣею частію ихъ, онъ обязанъ покойному генералу Висковатову.

этого ордена, очевидно; какое участіе, при жизни, принималъ онъ въ планахъ царя по этому случаю, неизвѣстно. Грудь Франца Яковлевича была украшена лишь портретомъ монарха. Генералъ Гордонъ также носилъ пожалованную ему, за азовскій походъ, съ изображеніемъ царя медаль, которую велѣлъ обдѣлать въ бриліанты, и въ такомъ видѣ изображенъ онъ на уцѣлѣвшемъ донныѣ портретѣ. Лефортъ же, въ этомъ отношеніи, не послѣдовалъ примѣру Гордона.

Къ причинамъ, побудившимъ Петра назначить боярина Ѳ. А. Головина первымъ кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, слѣдуетъ отнести еще обстоятельство, что царь, безъ сомнѣнія, уже теперь избралъ его преемникомъ Лефорту по званію адмирала. И хотя это назначеніе состоялось только 8-го апрѣля, но Головинъ уже получилъ приказаніе немедленно ѣхать въ Воронежъ.

Передъ возвращеніемъ къ своему флоту, царь рѣшилъ и судьбу племянника своего любимца. Желая имѣть при себѣ хотя однофамильца усопшему другу, онъ приказалъ Петру Лефорту, до сихъ поръ несостоявшему на службѣ, прибыть, по приведеніи въ порядокъ дѣлъ дяди, въ Воронежъ. И государь, и многіе бояре встрѣтили молодого человѣка весьма сочувственно. «Его величество», писалъ онъ своему отцу, «осыпаетъ меня тысячами милостей въ память заслугъ моего дяди. Я предалъ себя совершенно волѣ его величества». Особенно князь Б. А. Головинъ, старинный покровитель и другъ покойнаго Франца Яковлевича, и бояринъ Ѳ. А. Головинъ, приняли живѣйшее участіе въ судьбѣ Петра Лефорта; но до 27-го апрѣля онъ не могъ сказать отцу своему ничего положительнаго о царской волѣ. Отъ этого числа онъ писалъ: «Его царское величество приказалъ мнѣ готовиться къ путешествію въ Азовъ, и я думаю, что завтра отправлюсь туда на галерѣ контръ-адмирала (фанъ-Резона). Это одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей (*un des plus galants hommes*); онъ голландецъ и человѣкъ весьма честныхъ правилъ. Покойный дядя высоко цѣнилъ его. Онъ хорошо знаетъ свою часть, и я надѣюсь поучиться у него морскому дѣлу. Быть можетъ меня назначатъ служить во флотѣ, а можетъ быть и въ сухопутныхъ войскахъ. Настоящій походъ рѣшить мою судьбу». Далѣе Петръ Лефортъ прибавляетъ, что, по слухамъ, контръ-адмиралъ фанъ-Резонъ будетъ командовать эскадрою, которая должна сопровождать чрезвычайнаго русскаго посла при Оттоманской Портѣ. «Я видѣлъ здѣсь (въ Воронежѣ) флотъ, снаряженный его величествомъ для войны съ турками, и если бы не удостовѣрился въ томъ собственными глазами, то трудно было бы повѣрить: готово не менѣе ста парусовъ, столько же военныхъ судовъ, сколько галеръ. Да

благословить милосердый Богъ предначертанія его царскаго величества: они велики и достойны такого государя».

Царь, дѣйствительно, имѣлъ право гордиться плодами своихъ громадныхъ трудовъ и чрезвычайныхъ усилій. Прибывъ въ Азовъ со своими судами, онъ горѣлъ желаніемъ выйти въ Черное Море, воспользовавшись случаемъ отправки своего посла въ Константинополь морскимъ путемъ. Султанъ, правда, выразилъ непремѣнное желаніе, чтобы русскій посолъ прибылъ сухопутно, но Петру хотѣлось, чтобы хотя одинъ изъ нашихъ военныхъ кораблей явился предъ древнею Византіею. Капуданъ-паша, Гассанъ, стоявшій на якорѣ, съ четырьмя линейными кораблями и девятью галерами, у Керчи, близъ пролива, не осмѣлился задержать русскій флотъ, и потому царь, съ десятью линейными кораблями и двумя галерами, безпрепятственно вышелъ въ открытое море, совершилъ свой первый морской маневръ и затѣмъ сопровождалъ до крымскаго берега своего посла, который отсюда долженъ былъ одинъ продолжать путь къ Царюграду на 36-пушечномъ военномъ кораблѣ «Крѣпость». Капитанъ этого корабля, голландецъ Петръ фанъ Памбергъ, взумилъ и даже напугалъ жителей турецкой столицы тѣмъ, что не только произвелъ салютационныя выстрѣлы у стѣнъ Сераля, но и долго потѣшался непрерывною канонадою.

Окончательныя условія мира съ турками состоялись не ранѣе іюня 1702 года, и Петръ тѣмъ менѣе могъ дожидаться рѣшенія этого дѣла на югѣ, въ Азовѣ, что еще въ томъ же 1699 году онъ уже былъ преисполненъ новыхъ мыслей и плановъ относительно сѣвера. Обладаніе Азовомъ, и притомъ какъ сильною крѣпостію, вмѣстѣ съ постройками въ Таганрогѣ и свободнымъ плаваніемъ русскихъ военныхъ кораблей на Черномъ Морѣ, служило опорною точкою его восточной политики, дальнѣйшее развитіе которой было приостановлено на-время достопамятными предпріятіями на противоположной границѣ Россіи. Наступала пора рѣшительнаго, богатаго своими послѣдствіями, поворота въ исторіи русскаго народа. Господствовавшее доселѣ недоумѣніе по вопросу: куда примкнуть Россіи, къ востоку или къ западу, выяснялось все болѣе и болѣе. Гдѣ должна была утвердиться точка тяготѣнія обширнаго царства? на сѣверѣ или на югѣ?—этотъ вопросъ выдвинулся на первый планъ въ основныхъ стремленіяхъ государя-реформатора. Петръ приступилъ къ рѣшенію его съ безпримѣрною энергіею и съ рѣдкою смѣлостію. Распространить свое господство до Балтійскаго Моря, приобрести здѣсь гавань—вотъ цѣль, которую онъ сталъ преслѣдовать теперь.

Война со Швеціей была необходимъмъ условіемъ для осуществленія цѣли.

Что Петра занимала эта мысль еще при жизни Лефорта, явствуетъ изъ дружественныхъ сношеній и соглашеній съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ въ 1697 году, а еще болѣе изъ совѣщаній съ королемъ Польскимъ въ Равѣ, въ 1698 году. Обоиъ своимъ союзникамъ царь объявилъ положительно, что ему нужна гавань на Балтійскомъ Морѣ....

Не подлежитъ сомнѣнію, что, по этому дѣлу, Петръ, хотя и довольно ознакомившійся съ кабинетною политикою европейскихъ дворовъ, совѣтовался со своимъ другомъ, опытнымъ и искуснымъ дипломатомъ, и что, въ послѣдніе годы, самые рѣшительные международные шаги сдѣланы были царемъ не помимо Лефорта. Памятуя его заслуги, его вѣрность и преданность себѣ, царь, при всякомъ удобномъ случаѣ, проявлялъ это фактическими свидѣтельствами. Такъ, онъ пожаловалъ прямо чинъ полковника молодому Петру Лефорту единственно за заслуги его покойнаго дяди, о чемъ писалъ въ Женеву самъ новопожалованный полковникъ.

На вопросныя письма изъ Женевы о наслѣдствѣ генерала, о назначеніи опекуновъ его сыну и т. д., Петръ Лефортъ отвѣчалъ: «Все, что оставилъ мой покойный дядя, хранится неприкосновенно подъ царскою печатію. Здѣсь, въ Россіи, не въ обычаѣ имѣть опекуновъ, да и не отыщешь способныхъ къ тому людей. Его величество обѣщалъ позаботиться о моемъ двоюродномъ братѣ. Самъ государь лучшій опекунъ, какого только онъ можетъ имѣть; но важныя дѣла, которыми обремененъ его величество, причиною, что нелегко найти время переговорить съ нимъ обо всемъ. Вы видите, любезный батюшка, что мы лишились чловѣка, который обладалъ особенными способностями улаживать всѣ дѣла съ государемъ; теперь же никто не смѣетъ, подобно покойному, подступиться къ его величеству. Оттого иное откладывается въ долгій ящикъ».

По этимъ причинамъ еще не было ничего рѣшено и относительно дальнѣйшаго пребыванія Анри Лефорта въ Женевѣ. Намѣреніе царя послать молодого чловѣка къ саксонскому двору для изученія военнаго дѣла не исполнилось, кажется, потому, что амстердамскій бургомистръ Витсенъ не желалъ того и въ такомъ смыслѣ писалъ государю. «Полагаю», говорилъ, въ свою очередь, Петръ Лефортъ, «что лучше привезти моего кузена сюда, ибо здѣсь онъ всегда будетъ имѣть честь представиться его царскому величеству и, своимъ присутствіемъ, поддержитъ живое воспоминаніе о моемъ покойномъ дядѣ».

Многознаменательный 1700-й годъ привелъ къ войнѣ съ Швеціей. Первая половина его прошла въ политическихъ переговорахъ и въ военныхъ приготовленияхъ; во второй половинѣ, 19-го августа, послѣдовало, со стороны Петра, объявленіе войны. Кампанія была открыта съ такою поспѣшностію, что, уже 9-го сентября, генералъ князь Трубецкой, пройдя безъ сопротивленія Ингерманландію, стоялъ съ значительною ратью на границѣ Эстляндіи, насупротивъ города Нарвы. Вскорѣ собрались здѣсь и другія части русскихъ войскъ, подъ начальствомъ самого Петра и генераловъ Бутурлина, Вейде, Долгорукаго и Головина, и немедленно приступлено къ осадѣ города (2-го октября). Карлъ XII поспѣшилъ на помощь осажденной Нарвѣ съ небольшою, но испытанною въ бояхъ арміей. 20-го (30-го) ноября послѣдовало нарвское сраженіе, столько гибельное для русскихъ войскъ. Побѣдитель отпустилъ ихъ безоружными, но всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ, приказалъ отвезти въ Стокгольмъ. Въ числѣ ихъ находился и Петръ Лефортъ, командовавшій полкомъ своего дяди.

Въ это тяжелое время некогда было подумать о молодомъ Анри Лефортѣ; но теперь, послѣ нарвскаго разгрома, царь Петръ, не видя при себѣ ни одного изъ носителей дорогаго ему имени, вспомнилъ о сынѣ своего усопшаго друга и написалъ женевакому сенату объ отправкѣ Андрея въ Россію. Маршрутъ назначенъ былъ чрезъ Голландію въ Архангельскъ.

Андрей Лефортъ, отплывшій изъ Амстердама съ послѣдними осенними кораблями, прибылъ въ Москву въ исходѣ 1701 года. О милостивомъ приѣмѣ молодаго человѣка царемъ, о чувствахъ его величества къ нему, свидѣтельствуютъ откровенныя письма Анри къ дядѣ Ами. Въ первомъ письмѣ изъ Москвы, отъ 12-го января 1702 года, онъ извиняется, что не раньше извѣстилъ о своемъ приѣздѣ: «Но я не могъ быть господиномъ своего времени, потому что всякое утро долженъ былъ отправляться или къ его величеству, или къ знатымъ боярамъ, а потомъ, послѣ обѣда, приѣзжали ко мнѣ съ визитами разнаго рода особы. И такъ идетъ съ ранняго утра до поздняго вечера. У меня не достаетъ даже времени на развлечения, какъ то было въ Женевѣ. Благодареніе Богу, его величество оказываетъ мнѣ выеокое расположеніе». Изъ дальнѣйшихъ писемъ видно, что государь не только ввелъ Андрея Лефорта во владѣніе пожалованными Францу Яковлевичу деревнями, но и поселилъ его въ новомъ дворцѣ, гдѣ намѣревался поддерживать съ сыномъ такія же дружескія отношенія, въ какихъ жилъ съ отцемъ. Онъ навѣстилъ



молодаго помѣщика въ его вотчинѣ, обѣдалъ у него въ московскомъ домѣ и въ самомъ опредѣленіи его на службу представилъ трогательное доказательство уваженія къ памяти покойнаго генерала.

Со времени потѣшнаго кожуховскаго похода, Петръ постоянно имѣлъ при себѣ двухъ довѣренныхъ спутниковъ изъ бомбардировъ Преображенскаго полка. Первыми были Ѳеодоръ Троекуровъ и Иванъ Гумертъ. Когда Троекуровъ умеръ подъ Азовомъ, Гумертъ занялъ его мѣсто, а Ѳеодоръ Плещеевъ былъ назначенъ на мѣсто Гумерта. Въ 1699 году, при преобразованіи тогдашней военной части, изъ бомбардировъ сформирована была, какъ извѣстно, особая рота, въ главѣ которой царь самъ пожелалъ быть капитаномъ, имѣя при себѣ только двухъ офицеровъ; но въ слѣдующемъ году, въ видѣ особеннаго отличія и благоволенія, назначенъ былъ четвертымъ офицеромъ роты сержантъ бомбардировъ Александръ Меншиковъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, въ 1700 году, Гумертъ тайно оставилъ государя, которымъ былъ облагодѣтельствованъ Плещеевъ и Меншиковъ, вслѣдствіе этого, поднялись, а на мѣсто послѣдняго поступилъ молодой Лефортъ, назначенный поручикомъ бомбардирской роты (лѣтомъ 1702 года). Петръ, желая имѣть его при себѣ и по службѣ, приказалъ, чтобы Андрей Лефортъ сопровождалъ его во всѣхъ поѣздкахъ и путешествіяхъ.

Весной 1702 года царь отправился въ Архангельскъ, подъ предлогомъ осмотра двухъ взятыхъ у шведовъ кораблей, въ дѣйствительности же для приведенія города въ оборонительное положеніе противъ атаки непріятельскаго флота. Проживъ здѣсь три мѣсяца, Петръ поспѣшилъ прямо на театръ войны. Не только фельдмаршалъ Шереметевъ, командовавшій русскими войсками въ Лифляндіи и въ Ингерманландіи, обрадовалъ государя первою побѣдою надъ шведами 30-го декабря 1701 года, но и флотъ, снаряженный, этою зимою, во Псковѣ, для озера Пейпуса, нанесъ двукратное пораженіе шведскимъ судамъ. Вслѣдъ затѣмъ Шереметевъ предпринялъ осаду Дерпта, который, послѣ непродолжительной обороны, сдался на капитуляцію (23-го августа 1702). Одновременно употреблены были большія усилія для покоренія крѣпости Нѣтебурга (нынѣшняго Шлюсальбурга, древняго Орѣшка), защищаемой подполковникомъ Шлипенбахомъ. По важному значенію этой крѣпости, Петръ прибылъ нарочно изъ Архангельска принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и 11-го октября, послѣ упорнаго штурма, «ключъ» къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ былъ взятъ. Зимой государь возвратился въ Москву.

Во всѣхъ этихъ передвиженіяхъ, Андрей Лефортъ неотлучно со-

путствовалъ своему царственному покровителю, и, по прїѣздѣ въ Москву, спѣшилъ увѣдомить о себѣ своихъ жепеневскихъ родныхъ, которые жаловались, что рѣдко получаютъ извѣстія о немъ и обо всемъ происходившемъ въ Россіи. А возможно-ли было ему вести правильную съ ними переписку? Не успѣлъ онъ отдохнуть въ Москвѣ, какъ получилъ приказаніе опять ѣхать въ Воронежъ, откуда царь вскорѣ снова отправился на сѣверъ, чтобы овладѣть крѣпостію Нюеншанцемъ, близъ впаденія Невы въ Финскій Заливъ, и тѣмъ открыть свободный доступъ къ Балтійскому Морю. Въ Нѣтебургѣ Андрей Лефортъ заболѣлъ горячкою и умеръ здѣсь 28-го апрѣля 1703 года.

По свидѣтельству современниковъ, свѣжій, здоровый юноша, подавалъ наилучшія надежды, и если онъ такъ скоро послѣдовалъ за отцомъ своимъ въ могилу, то это объясняется слишкомъ крутымъ оборотомъ въ его образѣ жизни. Воспитанный совершенно въ иныхъ условіяхъ, проведя отроческіе годы въ умѣренномъ климатѣ, молодой Лефортъ еще не успѣлъ закалить свои силы на столько, чтобы вынести непривычные труды и усиленные занятія, неразлучныя съ новою обстановкою жизни. Здоровье его скоро пошатнулось. Правда, самъ царь отечески заботился объ Андрѣ, ласкалъ его, поощрялъ его, во время переѣздовъ, въ своей спальнѣ; но всего этого было недостаточно, чтобы предохранить нѣжный организмъ отъ разрушенія. Болѣзнь молодого Лефорта была кратковременная и сопровождалась непрерывнымъ бредомъ. Незадолго передъ смертію, Петръ навѣстилъ его и нѣсколько разъ поцѣловалъ умирающаго.

И въ Россіи, и за-границей, Андрей Лефортъ обращалъ на себя вниманіе, какъ единственный сынъ знаменитаго отца, обѣщавшій быть достойнымъ его представителемъ, и потому о преждевременной кончинѣ юноши искренно сожалѣли. Но, конечно, никто болѣе царя не скорбѣлъ объ утратѣ единственнаго представителя того имени, которое напоминало ему о многозначительномъ періодѣ, пережитомъ имъ вмѣстѣ съ покойнымъ другомъ и вѣрнымъ слугою. На призывъ Петра уже не откликнулся ни одинъ Лефортъ.... Ворота и двери прекраснаго и великолѣпнаго жилища, построеннаго царемъ для своего неутомимаго сотрудника, были заперты.... Въ обширныхъ комнатахъ властвовала могильная тишина.... (\*)

(\*) Лефортовскій дворецъ былъ назначенъ Петромъ отчасти для пріема иностранныхъ пословъ, именно въ большой залѣ, отчасти для какихъ-либо особенныхъ празднествъ. Въ этомъ дворцѣ жилъ, послѣ своего коронаванія, императоръ Петръ II; здѣсь онъ лишился своей единственной сестры Наталіи Алексѣевны (въ ноябрѣ 1728); здѣсь происходило обрученіе его съ княжною Екатериною

Рядомъ съ новымъ лефортовскимъ дворцомъ стоялъ прежній скромный домъ, съ которымъ были соединены живѣйшія воспоминанія о 1690—1698 годахъ. Въ немъ жила вдова Франца Яковлевича, которой Петръ не любилъ и тѣмъ менѣе сочувствовалъ, что она показывалась только въ своей католической церкви. Ведя жизнь отшельницы, она сдѣлалась ханжой, была очень скупа, но давала большіе церковные вклады. Неразъ въ семействѣ Лефортовъ возникала рѣчь о ея состояніи: никто, даже мужъ, не зналъ о томъ ничего вѣрнаго; вообще же считали ее весьма богатою. Достоверно то, что у Елисаветы Францовны было много серебра и драгоценностей, въ числѣ ихъ двѣ огромныя жемчужины рѣдкой красоты и высокой цѣны. Кроме пенсіи, Петръ предоставилъ ей, какъ сказано, управлять вотчинами покойнаго мужа до совершеннолѣтія сына, по кончинѣ котораго она вступила опять въ полное владѣніе ими, получала немалый доходъ отъ своего благоустроеннаго хозяйства, словомъ, находилась въ наилучшихъ финансовыхъ обстоятельствахъ. Она умерла въ 1726 году, въ глубокой старости. Вотчины перешли, еще до ея смерти, во владѣніе генерала Петра Лефорта, когда онъ возвратился изъ шведскаго плѣна.

Вскорѣ послѣ смерти Франца Яковлевича, этотъ племянникъ его сталъ помышлять о надгробномъ памятникѣ; но ни на упомянутомъ иновѣрномъ кладбищѣ, ни въ реформатской церкви монумента поставлено не было. Петръ Великій намѣревался, впрочемъ, соорудить памятникъ своему другу: объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный царскій деньщикъ Нартовъ. По словамъ Нартова, государь имѣлъ въ виду поручить въ Италіи лучшимъ ваятелямъ изготовленіе надгробныхъ памятниковъ. Алексѣевою Долгорукою (30-го ноября 1729), послѣ чего онъ скончался въ слѣдующемъ году.

Петръ Великій всегда любилъ эту мѣстность, и потому все болѣе и болѣе застраивалъ ее по направленію къ „новой солдатской слободѣ“, которую Лефортъ основалъ для перваго полка и которая, какъ и нынѣ, называлась его именемъ. Здѣсь же былъ обширный домъ канцлера Ѳ. А. Головина на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь зданія прежнихъ 1-го и 2-го московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Петръ купилъ (1723) домъ у наследниковъ Головина, превратилъ его во дворецъ и развелъ при немъ большой садъ, долго еще сущія именованшія головинскимъ, какъ и самый дворецъ. Императрица Аннѣ Ивановнѣ также понравилась эта мѣстность; рядомъ съ головинскимъ дворцомъ, она построила новый деревянный, названный Анненгофомъ. Въ теченіе пропалаго столѣтія, зданіе испытало много перемѣнъ, пока, въ томъ видѣ, въ какой привела его императрица Екатерина II, оно было назначено (1824) подъ кадетскій корпусъ. Судьбы лефортовскаго дворца были также весьма превратны. Еще въ нынѣшнемъ столѣтіи онъ дежалъ въ развалинахъ, и только въ 1851 году его перестроили для помѣщенія штабъ и оберъ-офицеровъ, учителей и чиновниковъ кадетскаго корпуса. Отъ прежняго блеска и сада не осталось и слѣдовъ.

ковъ: генералу и адмиралу Дефорту и генералъ-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву; кромѣ того, боярину и воеводѣ Шенну и генералу Патрику Гордону. «Люди эти», сказалъ Петръ, «своею правдивостію и заслугами—вѣчные памятники для Россіи. Я хочу соединить моихъ героевъ, послѣ ихъ смерти, въ одномъ мѣстѣ, подъ стѣною святаго великаго князя Александра Невскаго».

Говоря о намѣреніи Петра Великаго поставить памятники въ Александроневской Лаврѣ, Нартовъ прибавляетъ, что рисунки находились уже въ Римѣ; но что съ ними случилось неизвѣстно, такъ какъ великій монархъ и самъ вскорѣ переселился въ вѣчность (\*).

---

(\*) Рассказы Нартова помѣщены въ журналъ „Москвитининъ“ 1842 года, часть IV, стр. 338—339.